

Гражданская война

1918-1920 годы

ПОЛУ-ЧЕРМХОВО, СТАНЦИЯ ЮРТЫ

Площадка бронепоезда «ORLIK» с теплушкой и «чёрным» паровозом на станции Юрты

Фотография Военно-исторического архива в Праге (Fotoarchiv VMA, Sokolovská 136, Praha 8, Česká republika)

Бронеплощадка бронепоезда «ORLIK» с теплушкой и «чёрным» паровозом на станции Юрты под Тайшетом, 1919 год.

Юрты 2015 год.

Кости интервентов.

Глухими партизанскими тропами шёл по Сибири 1919 год. Стонала под игом колчаковщины и интервенции сибирская земля. Но враг не чувствовал себя на ней спокойно. Народ восстал против белогвардейцев и чужеземных пришельцев. По всей Сибири ширилось повстанческое движение. Десятками и сотнями, нередко с семьями, уходили крестьяне в партизанские отряды. Когда передовая линия Шиткинского партизанского фронта передвинулась к линии железной дороги и заняла Московский тракт в районе Тайшета, в Конторский штаб потянулись крестьяне из окрестных деревень-Еловой, Ново-Николаевки, Половино-Черемхово, Юрт, Черемшанки. Морозной мартовской ночью, покинув родные избы, тайком ушли в Конторку сорок полу-черемховских мужиков. В деревне они оставили подпольную боевую дружину из 16 человек. Её, как и переход в отряды, подготовили по заданию штаба местные подпольщики. Нельзя было оставить деревню, находящуюся всего в двух верстах от станции Юрты и в непосредственной близости от партизанского фронта, без своих людей. В дружину старались подобрать людей ничем не скомпрометированных в глазах колчаковских властей и

вместе с тем пользовавшихся большим уважением у общества. Попробуй придерись к Алексею Тимофеевичу Чернышову или Ивану Сергеевичу Быбину. Никого не обидели, с партизанами не знают. Да и Дмитрий Евлампьевич Горенский тоже к ним не причастен. Вот у Лукьяна Макошина да Егорки Баюнкова братья в партизанах. Так что ж, те сами по себе, а они сами по себе. Опасней всего было Семену Ивановичу Жданову. Человек он хоть пожилой и «смирный», а все таки бывший политссылный. Поначалу роль дружинников сводилась к тому, что они сообщали в партизанский штаб о посещении деревни белочехами, о численности чешского гарнизона на станции Юрты, собирали боеприпасы, оружие, продукты и тайком вывозили их в Конторку. Чешский комендант станции Юрты обязал старосту Федора Федоровича Макошина ежедневно докладывать ему обо всем, что делается в деревне. И староста докладывал: - Все спокойно, господин чешский комендант! - Хорошие известия. Это хорошо. что в вашей деревне согласие и порядок. Я вижу что ты порядочный человек. Мы наградим тебя за верную службу, - отвечал по чешски довольный комендант. Староста научился понимать главное в речи чеха. Но независимо от того, все или не все было ему понятно, он произносил одни и те же слова: - Благодарствуем. Рады стараться! Партизанские отряды вели успешные бои с белочехами и красильниковцами, рушили железнодорожные пути,

пускали, под откос вражеские эшелоны, поджигали будки и мосты, выводили из строя телеграфную линию. Земля горела под ногами белогвардейцев и оккупантов. Чтобы расширить масштаб диверсий, штаб решил привлечь к этому население соседних деревень через свои дружины. А чтобы гнев врага не обрушился на мирных людей, создавалась видимость насилия. В деревню ночью врвался небольшой партизанский отряд. Поднимали старосту, дружинников и, грозя им оружием, велели собирать народ, а сотского Ивана Парфенова, выполнявшего функции колчаковского милиционера, брали под конвой. Дружинники действовали быстро и старательно. На мешкавших покрикивали: - Шевелись, не виляй. Коли ответ держать, так всем обществом. Все одно от тех и других покою нет. Крестьяне запрягли лошадей, садились в сани, бросали туда припасенные дружинниками инструменты для разбалчивания рельс и под «конвоем» партизан ехали к линии железной дороги. При таких крупных вылазках рельсы вместе со шпалами на перегоне Юрты-Ключи выворачивались на сотни сажень, а крестьяне, сделав дело, возвращались домой. На утро приезжали чехи и белогвардейцы, снова сгоняли людей, кричали, грозились, а староста и сотский рассказывали, как наскочили какие-то вооруженные люди, как погна-ли их силой оружия на преступное дело. И те же крестьяне,

в том числе и дружинники, теперь уже под конвоем белочехов, исправляли то, что разрушили за ночь, с той только разницей, что работали не так усердно, как ночью, и дело продвигалось медленно. Однажды-это было в начале апреля-после очередной крупной диверсии чехи согноли к станции Ключи население деревень Полу-Черемхово и Черемшанки для восстановления полотна. Крестьяне не без чувства удовлетворения увидели валявшийся под откосом бронепоезд: паровоз и два бронированных вагона, один из которых был совершенно разбит. Рядом валялся измятый пулемет системы Кольт. По обе стороны разобранного пути стояли прибывшие с Иланска и Тайшета вспомогательные поезда. Вокруг суетились чехи и колчаковцы из железнодорожного батальона.

Засунув руки в карманы шинели, взад-вперед молча шаггал молоденький прапорщик. Из под серой мерлушковой папахи виднелись бинты: лицо его было бледно. К нему подошел чешский офицер. Некоторые крестьяне узнали в нем начальника Тайшетского гарнизона майора Беранека.

-Господин прапорщик, я снова прошу вас идти в вагон.

Вы слабы. Сейчас вас отправят в госпиталь,-уговаривал майор прапорщика.

-Ничего, я хочу посмотреть на этих мужиков, на этих красных бандитов,-ответил прапорщик.

-Хорошо,я сейчас их построю.

Крестьян выстроили тут же на насыпи.

-Вы видите плоды ваших злодеяний,-обратился майор Беранек к крестьянам на чистом русском языке.Прапорщик Гуз,как и вы, русский,он еще совсем молод.У него есть мать.Богу было угодно, чтобы он остался жив,но он тяжело контужен в голову.Нам ничего не стоит всех вас перестрелять и сбросить под откос,как вы сбросили под откос этот поезд-он указал жестом руки вниз на завалившийся набок броневик.-Но мы не хотим крови.Мы в последний раз призываем вас прекратить ломать дорогу,не слушайте большевиков,не пускайте их в села или убегайте из дома, когда в деревню придут большевики,чтобы гнать вас на разбой. Но если вы еще хоть один раз позволите вовлечь себя в преступное дело,мы сожжем вашу деревню и покараем вас.А сейчас вы будете работать без отдыха до тех пор,пока не исправите путь и не поставите на рельсы бронепоезд..

...Возвращались домой через трое суток.

-Более на ломку не пойду.Будет!-произнес вдруг Иван Шерстенов,лежа ничком на сене.

_Куда ж подашься?От мира отобьешься?-спросил Селиверст Дергунов,огромного роста мужчина.По его спине уже погуляла колчаковская плеть .-Нет,Платоныч,не гоже так,ты стало

быть, в кусты. а другие нехай голову на плаху кладут?

-А ежели дурак, так и клади. Кончать это дело надобно.

Всем миром отказаться от партизан. Не посмеют тронуть.

Другие молчали. Все знали, что Иван часто в Юрты ходит, там у него шурин живет, уголовник Федька Крыжновский. Иванова жонка Марья, сеструха Федькина, не раз заводила с деревенскими бабами разговор об том, что мол погубят партизаны всю деревню, на бунт против них подымала. И мужики опасались Ивана Шерстенова. А на ломку брали всех, чтоб меньше ответу было. И кулаков прихватывали-пускай и с них спрашивают.

Чешский комендант давно уже сменил милость на гнев и называл старосту большевиком. По прежнему являясь ежедневно в Юрты, Федор Федорович крестился и низко кланялся, тряся перед свирепым чехом. Однажды он сказал:

-Так что, господин комендант, охрану бы нам дать, солдатишек хуш человек десять с ружьями. Да мы подсобим, вот и перестанут озоровать варнаки.

Чех задумался, помолчал. Лицо его заметно просияло:

-Чего вы хотите?-спросил он.-Чтобы я дал вам десять вооруженных? Это невозможно. Это много. Но я подумаю.

Хорошая мысль. Молодец староста. Пока хватит два-три человека.

Сегодня к ночи они придут. Беда с этими бандитами!

Староста раскланялся и ломая в руках шапку, вышел.

Он понял хорошо только то, что комендант обещал прислать двух-трех солдат. Но когда? Сегодня? Завтра? Днем? Ночью? На следующее утро, как положено, староста вновь стоял перед комендантом.

-Здравия желаю господин комендант!

-Добри дэн!-приветствовал его чех. Бил мойэ войаки?

-Да никак нет, господин чешский комендант. Были двое, спросили, как пройти на Конторку и пошли дальше, а тех не было, что к нам..

Офицер побагровел. Он схватил лежащий на столе стэк и надвинулся на старика.

-Ты что-шутки шутить со мной вздумал? В петлю захотел ?

-Мерзавец! Уничтожу! Растопчу!

Напрасно староста клялся и божился, комендант приказал схватить старика и посадить в холодную. Но тут же передумал и отпустил.

Не успел старик добраться до дома, как в деревню нагрянул отряд чехов во главе с комендантом. Начались обыски, допросы.

Кто то, видать, рассказал коменданту, что всю ночь в доме старосты горел огонь. Иные, говорили, что видели, как по деревне проходили поздно вечером два чешских солдата, а куда шли

-неведомо. Длинный и крепкий, как кедр, Санька Юганов, которого никто в деревне не величал Александром Михайловичем,

хотя и был человек уже в годах, а все звали просто Санькой, потому что был он беден и, кроме жены да ребятишек, ничего не имел, распинался перед комендантом:

-Поверьте мне, ваше благородие, в Петербурге в лейб-гвардии Семеновском полку служил, царя нашего батюшку охранял, царство ему небесное. Как перед отцом, как перед богом говорю вам: сам видел, как ваши солдатики вон той дорогой пошли, - он показал рукой на запад, в сторону Еловой. - Поспешили дюже. При винтовках и тесаках были. Вот вам крест, не сойти с этого места. - И он неуклюже перекрестился.

Не то что поп, а любой христианин догадался бы, что этот человек редко осенял себя крестным знаменем.

Исследовали тракт на большом расстоянии и кое-где обнаружили следы кованых английских ботинок - таких, в какие были обмундированы чешские солдаты. Комендант несколько простыл, успокоился и подобрел. «Диабло! К большевикам ушли что ли?» Староста предложил коменданту и его свите пообедать. Старостиха уже звенела на кухне стеклянной посудой, дразня аппетит непрошенных гостей. Но чехи наотрез отказались и уехали.

-Пронесло, слава те, господи, - перекрестился староста.

Едва чехи убрались, как к сотскому Ивану Парфенову прибе-

жал Иван Шерстенов. Он, воровски оглядываясь, начал рассказывать ему о том, какие сомнения одолевали его. Нельзя верить старосте. Он, Шерстенов, хорошо видел, что чешские солдаты вошли в ограду Федора Макошина, а оттуда не выходили. Всю ночь в доме старосты была какая-то суматоха.

- Не иначе, как порешили староста со своими дружками наших защитников.

Сотский внимательно слушал доносчика.

- А с какими это дружками, кого разумеешь?

- Знамо кого, партизан.

- Сдурел ты, Платоныч, тебе примерещилось. Уж я то сам видел, как пошли чехи на Еловку. Однако пойду к старосте, расследствую. А ты, во что, чтоб пока никому ни гу-гу. Повремени.

Вместе опосля обмозгуем. Понял ?

Парфенов вошел в избу, когда староста сидел за столом и обедал.

- В избе никого нет?

- Кому быть, Фекла нам не помеха.

- Плохи дела Федор!

- Сам знаю. Однако обойдется.

- Иван Шерстенов был у меня. Ту ночь он за избой твоей доглядывал. Сумлеваются.

- Вона што! Али и этого прибрать придется?

Они понимали друг друга с полуслова.

Когда в июне 1918 года белочехи разогнали Совет и посадили старостой Федора Федоровича, он отказывался, но его заставили. В деревне его все почитали как человека хозяйственного и справедливого. Был он ни беден, ни богат, в середняках ходил. Деятельность подпольщиков не ускользнула от его внимания. Он делал вид, что ничего не замечает, но однажды при случае сказал одному из подпольщиков Николаю Федоровичу Короткову: - Вижу, не доверяете мне. Брезгуете. Пошто? Аль я супротив народа? Может пригодился бы.

Ему поверили. Поручили подобрать надежных людей в тайную дружину и работать на партизан. Не захотел служить колчаковцам «верой и правдой» и Иван Парфенов.

Вернувшись от коменданта, обещавшего прислать своих солдат, Федор Федорович перво-наперво переговорил с сотским. Замысел их был прост: обезоружить солдат и направить их в партизанский штаб. Решили привлечь членов подпольной дружины: Егора Баюнкова, Кузьку Савина и Александра Юганова. Двое первых устроили засаду в доме старосты, а Юганов в амбаре. Ждали целый день. Солдаты пришли, когда уже стемнело. Староста пригласил их за стол, на котором в мисках дымились жирные щи. Чехи сели, но винтовки из рук не выпускали. В разгар ужина из горницы вышли Баюнков и Савин. Чехи вскочили, взяв на изготовку.

-Чей человеки?

-Братья мои,не пужайтесь,господа солдаты.

Но солдаты закричали:

Пошел,пошел.Вон,вон!-и стали выгонять заговорщиков.

Егор и Кузьма перемигнулись.Направляясь к сням,оба быстро набросились на солдат.Завязалась борьба,во время которой Кузьма Савин стукнул прикладом своего противника по голове, и тот,обмякнув,рухнул на половицы.Услышав возню,в избу влетел Санька Юганов,и вовремя.Второй чех,стоя спиной к дверям,вскинул ружье.Юганов схватил чеха за горло мертвой хваткой,да так и задушил.

Федор Федорович в дело не ввязывался,а когда все было кончено,с досадой произнес:

-Неладно вышло.Ну,таперича не мешкай.

Вскоре Егорка Баюнков и Кузька Савин обувшись в снятые с чехов ботинки,шли обочиной Московского тракта на Конторку.Они тащили на себе,все что было взято у чехов: обмундирование,оружие.К утру ребята вернулись на лыжах, никем не замеченные,задами пробрались домой.

Так при помощи мужицкой хитрости и смекалки были запутаны следы.

Иван Шерстенов не успокоился на том, что рассказал о своих подозрениях сотскому. В тот же день, как только стемнело, он отправился тайком в Юрты. А на следующий день в деревню снова нагрянули чехи, схватили старосту и его жену Феклу и увезли с собой. Арестованных отправили в Тайшет. Там их допрашивали, пытали. Им грозила смертная казнь. Староста и старостиха все отрицали, ни в чем не признавались и никого не выдали. Доказательств у белочехов не было. В конце концов Федора и Феклу выпустили по ходатайству на поруки общества. Через неделю, в субботний день, в избу Ивана Шерстенова вошли два партизана. Пригрозив оружием, они заставили его написать продиктованную ими записку и увели предателя с собой. Все это проделали, пока его жена мылась в баньке. Войдя в избу, Марья увидела на столе записку и почуяла недоброе. Читать она не умела и, схватив бумажку, побежала к соседям. Бумажку прочитали: «Обо мне не беспокойся, выхода нет, ушел к партизанам.» По приговору партизанского суда Ивана Шерстенова расстреляли.

...Прошло многим меньше года. В панике бежали белогвардейцы по трактам и таежным дорогам на восток, преследуемые по пятам Красной Армией, освобождавшей Сибирь от врагов революции. Партизаны и весь народ помогали ей гнать беляков и интервентов. Однажды февральским

днем 1920 года,четыре дружинника:Егор Баюков,Кузьма Савин, Александр Юганов и Гурьян Климов-устроили засаду между Юртами и Полу-Черемхово и уничтожили четырех отбившихся белогвардейцев.Долго валялись их трупы на дороге,устрашая бегущих колчаковцев и интервентов.Только весной крестьяне зарыли их в болоте,в стороне от дороги.

Послесловие.

В основу этого рассказа положены действительные события, разыгравшиеся в деревне Полу-Черемхово в 1919-20 годах.

Автор частично лишь изменил некоторые имена и фамилии и ввел допустимый в литературно-художественном произведении домысел к истории,рассказанной очевидцами.

Неузнаваемо преобразился наш край за годы Советской власти.Небольшой пристанционный населенный пункт Юрты превратился в крупный промышленный поселок,заняв всю территорию,когда-то отделявшую Юрты от Полу-Черемхова. Тайга и болота отступили.

В конце минувшего года,во время землянных работ по благоустройству поселка Юрты экскаваторщик Митрофан Карпович Жуков обнаружил в выброшенном им грунте четыре черепа.Ни он,ни ребяташки,нанизавшие черепа на палки,и не предполагали,что это-кости колчаковцев и интервентов.

Получеремховцы.

Игнатий Козлов вел опрос пленных. Рахманов, бывший политссыльный из меньшевиков-плехановцев, примкнувший к восстанию, заносил их в список, готовя для отправки в Нижнезаймицкий штаб. Бич рассматривал бумаги, захваченные в гарнизоне моста. В штаб зашел один из патрульных, доложил:

-Пополнение прибыло!

Бича как ветром сдуло. Прибывшими оказались еловцы и полчеремховцы. Еловцев было немного, не более десятка. Маловато, если учесть, что в деревне Еловой около ста дворов и полтысячи жителей. Скуповатыми оказались еловцы на поддержку народного восстания, боятся оторваться от своего крепкого хозяйства, а местные активисты-подпольщики плохо видать поработали. Бич хорошо знал ямщицкий дух еловцев, и не удивился, лишь поздоровался со знакомыми фронтовиками, головкой еловских добровольцев: Степаном Петровым, Гаврилой Поповым и Максимом Лачиным. Зато полчеремховцы его порадовали. Их было че-

ловек тридцать. Кроме дробовиков, централок и берданок, они принесли с собой семь боевых винтовок, четыре винчестера, изъятые у заводчика Тимофеева, строившего на месте старой станции Юрты какой-то заводик, один наган и один браунинг. Маленький, толстый, но юркий белобрысый мужичонка лет 25 Гурьян Атаев был вооружен десятизарядным винчестером, который он самолично изъял у мельника Широглазова. На ротном фельдшере времен русско-германской войны, с красными фельдфебельскими усами, Михаиле Никитине, кроме централки, отобранной у кулака Глеба Логинова, висел за спиной немецкий ранец. Фельдшер стаскивал с саней чем-то до отказа набитый мешок.

-Тряпки там у тебя, что ли?-поинтересовался Иван Андреевич.

-Никак нет, товарищ Бич !-по военному ответил Никитин.

-Моя фамилия Таежный, а не Бич. Запомните все это товарищи партизаны!

-Никак нет, товарищ Таежный,-повторил фельдшер.

-В мешке медикаменты, лекарства разные.

-Лекарства? Это хорошо. Откуда они у вас?

-Реквизировали у заводчика, как и оружие.

-Что же там есть?

-Бинты, вата, йод, марганцовка, три фунта камфоры в кусках хина, аспирин...

-Хватит,хватит!-остановил его Бич.Молодцы.Ты что доктор?

-Старший ротный фельдшер,товарищ Бич...виноват,товарищ Таежный.Служил в Галанце,на Румынском фронте,в 1917 году был в перевязочном отряде 21 вновь сформированной дивизии 4-го сибирского армейского корпуса в чине старшего унтер-офицера при фельдфебельском окладе жалования...,скороговоркой рапортовал партизан,держа руки по швам и по привычке перебирая пальцами.

-Ну, вот и кстати.Тебе и лазарет организовывать.Приступай к делу,подыскивай помещение,подбирай помощников.

Растроганный фельдшер с пафосом отвечал нараспев словами песни:

Не утрашит нас бой

суровый.

Нарушим мы кровавый

пир.

Мы потеряли лишь оковы,

А завоюем целый мир!

Иван Андреевич сам часто прибегал к помощи художественного слова,завершая свою речь стихами,и фельдшер пришелся ему явно по душе.Только теперь Бич спросил,обращаясь к полчеремховцам,кто у них за старшего.

-Бухало,-подсказал кто-то из партизан.

-Бухало?-переспросил Бич.

Вперед вышел высокий стройный мужчина лет тридцати с интеллигентной внешностью.

-Извините,товарищ Таежный,это наша деревенская кличка, Москвитин Илья.

-А что это у вас за женщины?-показал Таежный на двух крестьянок,с любопытством уставившихся на партизанского командира.

-Молодухи:одна жена фельдшера,а другая вон того,с винчестером,-указал Илья на Гурьяна Атаева.-Это моя сестренка Анка. Не захотела оставаться дома,ведь борьба надолго.

-Это так,только не помехой ли будут женки.А вот тех хлопчиков зачем взяли?-кивнул Бич в сторону стоявших друг возле друга: светловолосого,красивого,как девушка,Зорьку Киселева и второго,Михаила Никитина,прозванного за свой малый рост в отличии от своего старшего брата Малкой.

-Сколько вам лет?-не дожидаясь ответа на первый вопрос,обратился он к парням.-Тридцать два,товарищ Таежный!-не задумываясь отчеканил Малка.

-На двоих ?

-Так точно!

-Ох.и хитер же ты,хоть и годами и ростом больно мал,-заме-
тил Бич.

-Мал, да удал!-не остался в долгу Малка.

-Подожди,пока люди похвалят.А пока в поваренки пойдешь.

Зачислить его на кухню,а там посмотрим,-отдал он
распоряжение.Малка не ожидал такого исхода,но не растерялся.

-Да уж лучше бы в театр,там бы я хуш отплясывал.

Он вытянул из-за бродней деревянную ложку,другую вырвал у
соседа,выкинул вперед левое колено,ударил ложками и пустил-
ся в пляс с присвистом и тут же сочиненными на ходу прибаутками:

-Мой братеня доктор-лекарь,

А я кашевар и пекарь,

Братка пробу брать придет,

Я ему-мосольчик в рот,

У-у-у...

-Это братуха лекаря,-подсказал кто-то.

-Брат лекаря? И женку,и брата с собой потащил.Ай,да ну!

-С имя ищщо,третий,меньшой-Санька,подводчиком приехал.

-Значит,всей семьей Колчака бить решили?

-Сомкнутыми рядами,-товарищ Таежный-издали крикнул
фельдшер.

-Пляшешь ты ловко,хлопчик,обратился Бич к Малке.-Да толь-

ко сейчас не до пляски.

-Песельники они,-вставил один партизан.

-Размещайте людей!-приказал Бич своим помощникам.

События развивались бурно.Отряд рос,восстание ширилось.

Бич решил созвать собрание,избрать руководство Конторским отрядом и хозяйственными делами.Он уже вынашивал планы лично объездить села и деревни соседних Шелеховской и Тинской волостей,с которыми не было еще тесной связи,провести там работу,поднять население на восстание,открыть новые фронты борьбы с колчаковщиной.Он останется во главе своего

Таежного отряда«лесных братьев»,а командование Конторским отрядом передаст в другие руки.

-Будем вести наступление на Колчака сомкнутыми рядами!

-сказал Бич товарищам по борьбе,повторив любившуюся ему фразу.

По предложению Ивана Андреевича избрали командиром Конторского отряда Игнатия Козлова.

Потомственный бедняк ,Игнатий с раннего детства познал нужду и эксплуатацию,был«мальчиком» у купца,работал на лесозаготовках,на укладке железнодорожных тупиков,линейным рабочим на разъезде Суетиха.

В первые же дни империалистической войны двадцатилетнего

Игната забрали в солдаты. Учиться в школе ему не пришлось, но в детстве он три года занимался у одного политссыльного и к 1917 году был уже старшим унтер-офицером, командовал взводом в 334-м полку 16 стрелковой дивизии 12 армии в Риге, а после сдачи Риги немцам - в Вольмаре, где его застала Октябрьская революция. Игнатий - член полкового комитета, ведет пропаганду среди солдат гарнизона города Вольмара под лозунгом полкового военно-революционного комитета: ни одного солдата против красного Петрограда, за власть Советов. Полк послал его делегатом на Чрезвычайный съезд 12 армии... Бич считал, что такому человеку можно доверить командование отрядом. Начальником штаба Конторского отряда избрали Иннокентия Неизвестного, заведующим хозяйственной частью - еловца Гаврилу Попова. Бывший когда-то волостным писарем, честный человек Иван Степанович Назаров-Сазайкин, пользовавшийся уважением у населения и сразу в дни восстания ставший на сторону народа, стал штабным писарем, а плехановца Рахманова Федора Алексеевича сделали его помощником. Из большей части полчеремховцев и еловцев был сформирован отдельный лыжный взвод для оперативных действий на железной дороге западнее станции Юрты и деревни Пол-Черемхово с базой в таежном переселенческом участке Калистратовском, именовавшемся еще деревней Николаевкой, в пяти верстах от

линии железной дороги. Командиром взвода лыжников избрали Степана Петрова, вкусившего окопной жизни на фронтах империалистической войны и вынесшего с собой оттуда зерна большевицких идей.

ВЕСНА 1919 года немного запоздала, а зима затянулась. В народе бытует примета-присказка: «Если на Евдокею петух под стрехой напьется, на Алексея бык водой зальется». Заметим, что день «Евдокии Плющихи» 14 марта, а «Алексея божьего человека» — 30. Однако ни четырнадцатого не закапало с крыши, ни тридцатого не появились лужицы и ручейки, из которых бык мог бы напиться. Голодные и холодные воробьи, обычно рево- порхающие в такие дни с дерева на дерево, звонко щебечущие, на этот раз вели себя иначе: с растопыренными, взъерошенными крылышками, они ежились, слабо и одиночно чирикали, тянулись к человеческому жилью, сидели на оконные карнизы. Даже конец марта был морозным, по ночам поднимался густой туман.

В такую пору идущий где-то вдалеке поезд слышится на большом расстоянии. Ни перестук колес, ни стон рельсов еще не коснулись нашего слуха, но мы слышим, как объемно гудит тайга, будто буря рвет деревья, и все ближе и ближе иллюзорное неистовство стихии. Стоит земля, лес, чудится, сплошной стеной надвигается на нас и вот-вот обрушится страшной катастрофой.

Сибирским партизанам была знакома и привычна эта оглушительная какофония приближающегося состава.

В одну из таких морозных и темных ночей (луна взошла в эти дни почти одновременно с солнцем в предутренние сумерки) Таежный отряд Бича человек в сорок выступил из Конторки к железной дороге. Ехали в розвальнях. В головном дозоре скользили на лыжах разведчики во главе со Степаном Петровым. Не доезжая саженей сто до Енисейского, или как его еще называли, Бондарева переезда, спешились. Оставив с лошадыми ездовых, пошли следом за лыжниками. К переезду подошли бесшумно. Единственное окошко в будке путевого сторожа туго и светилось. Рванули запорную изнутри дверь, но она не поддавалась.

— Бондарев, отпори, партизаны! — Они знали, что в будке телефона нет.

Дверь сразу отворилась. Бич и с ним еще трое вошли в будку.

— Давно ли проходил броневик? Куда? Где патрульные? — забросал Бич старика вопросами.

— Броневик прошел час назад на Тайшет и патрульных забрал.

— Может, на Венгерке оставил?

— Не знаю, Иван Андреевич.

— Каким и куда проходили поезда?

— Товарняки, один на запад, другой на восток. Скоро должен пройти пассажирский, четвертый номер.

— Это мы знаем, расписание пассажирских нам известно.

Партизаны забрали лапы-дергачи, гаечные ключи, топор, лом, хотя всего этого у них и своего было достаточно. Выйдя из избушки, Бич сразу приказал конторцу Ивану Козлову, минеру-фронтоннику Черноморского флота:

— Приступайте! Подозвав Трифона Силина (Ходю) и Ельмиру Насонова, велел им взять с собой человек десять и идти на разезд Венгерка, до которого было с версту.

— Наведете там «порядок». Перво-наперво надо узнать, нет ли на подходе каких литерных, военных ил товарных составов. Приките станционников. И сразу же пришлите мне с кем-нибудь, кто довок бегать, донесение. Потом поломай звена два обоих путей. Задача ясна?

— Ясно.

— Ну, быстро, бегом! Командир прислушивался, припадал порой ушами к рельсам. Только страшный шум тайги все набегал и приближался.

— Иван Андреевич, уши отморозите. — сказал известный среди партизан балагур и любимец полвноночеремховец Малка Никитин. Он был кашеваром в Конторском отряде и лишь впервые, выпросившись, был взят на операцию.

— Ладно, ставлю вас с Зорькой на этот пост. Следите поочередно за рельсовым телеграфом.

Он пошел вдоль фронта работ. Как ни старались партизаны действовать тихо, но лязг железа создавал много шума. Среди работавших здесь партизан было много железнодорожников, хорошо знавших дело. Это юртинцы и половиночеремховцы Николай Гугушкин, Эрнст Бертин, Василий Жернов, Иван Захарюк, Николай Малеев, Владимир Шерстнев, Роман Макопин; черемшанцы Андрей Севостьянов, братья Яков и Парфен Галло, Афанасий Ракитин, братья Лукьян и Степан Гурковы; Василий Мигаль, Арефий Казаков и Александр Бодягин из д. Ключи; конторец Семен Толстухин; Василий Никанович из Разгона. Особенно спору и ловко все получалось у Гугушкина: летели в сторону вырванные лапами дергачами костыли, как зубы из щипцов стоматолога, отшвыривались скрепляющие стыки рельсов гайки. При помощи ломов партизаны раздвигали рельсы, выбрасывали шпалы под откос.

Прибежал гонец от Силына, доложил, что ничего нового о поездах неизвестно. В это время раздался голос Зорьки (Елизара Киселева):

— Слышу, слышу! Идет! Шесть звеньев рельсов обоих путей были уже выведены из строя.

— Валите столбы и рубите провода. — скомандовал Бич. — Пару столбов хватит. И кончайте. Всем, кроме группы Петрова, отходить к подводам. Не растеряйте инструмент. Будочника связать, чтобы не пострадал.

Когда партизаны отошли, Бич обратился к Петрову:

— Степан. — сказал он. — твои еловцы и половиночеремховцы опытные лыжники. Да и вооружены лучше других. У вас два десятизарядных винчестера, а это в наших условиях почти пулеметы. Твоей группе особое задание — устроить засаду, вон там, под насыпью, — указал он в сторону чуть западнее переезда. — Надо видеть, что произойдет и действовать смотря по обстановке. В случае чего вы легко уйдете. Пошли пару ребят проторить лыжню лесом от места засады к лошадям. Так будет надежнее. Вот хлопцев с Венгерки что-то нет, не случилось ли чего.

Но тут все скорее услышали, чем увидели бегущих с Венгерки людей.

— Они, черти! — радостно воскликнул находившийся с Бичом Михаил Розенталь.

Там, оказалось, дело сделано. Обслуга обезоружена и связана. Дверь надежно подперта колом. В качестве доказательства венгерцы показали трофеи: телефон и два «Смит-Вессона».

Уже отчетливо послышался где-то у Юрт грохот поезда и свисток паровоза.

Ну, братцы, айда по местам, — скомандовал Бич.

Когда возвращались в Конторку, Малка дал волю своему «творчеству» и зашел:

Мы умеем кашу варить,

Мы умеем щи варить,

Мы умеем дело править,

Белы банды контромить.

Вдруг страшный грохот долетел до их слуха. А потом послышался треск пулемета и одиночные ружейные выстрелы.

...Паровоз «Декапод» уткнулся и врезался своей тяжелой машиной в мерзлую землю. Но не свалился, а замер, будто насторожившийся, готовый броситься на врага бык. Заскрежетали буферами громоздившиеся один на другой вагоны, ломались, оглашая окрестность раскатистым треском. Летели щепки, оконные стекла, железо.

Три хвостовых классных вагона с оборвавшимся сцеплением наскренились, легли набок и, кувыркаясь, полетели под откос. Такой кошмарный итог своей «работы» партизаны видели впервые и точно остолбенели. Иван Скулкин и Сашка Лютов не выдержали и, став на лыжи, побежали прочь по проторенной лыжне. Петров их не останавливал. Он и сам был потрясен этой картиной. Когда лязг железа и треск ломающихся вагонов прекратился, из-под насыпи, откуда куда рухнули вагоны, стали слышны истерические крики, стоны и вопли. Партизаны старшего возраста, уже семейные, вспомнили в этот

момент о своих женах и детях.

— Там, должно, есть бабы и ребятишки, — произнес, вздыхая, Егор Пантелеев. — Эх, треклятая война...

Степан Петров заметал:

— Я, Егор, как и ты, фронтвик. Повидал крови. Война есть война. Ить и они наших женок, матерей и ребятишек не жалеют. А мы этого не хотели, да так получилось. — его чуть хриловатый голос заметно дрожал.

Но вот диво. Почему из уцелевших вагонов никто не показывается? Было видно, как в светящихся окнах мечутся люди.

— Бойтся буржуазия вылазить, — подал голос Гурьян Атаев.

Но затишье продолжалось недолго. Из тамбуров вдруг затрещали пулеметы, посылая наугад свинцовый дождь в обе стороны — на юг и север, не зная, где партизаны.

— Вот так пассажирский! — воскликнул Илья Москвитин.

Партизаны не отвечали.

Зачем палить беспечно по вагонам? Пусть думают беляки, будто партизан здесь нет. И, очевидно, уверовавшись в этом, колчаковцы прекратили палить. Из вагонов стали выходить сначала по одному, а потом и группами «пассажиры». Это были сплошь военные. В темноте нельзя было разглядеть званий, но ясно определялись по длинным шинелям и папахам офицеры. Степан готов уже был подать команду открыть огонь по группе белогвардейцев, но тут вдруг из ближайшего к засаде вагона вышел офицер с рукой на перевязи и с ним женщина в меховой шубке. Петров растерялся. «Что он — дурак, зачем выволок ее с собой», — подумал Степан.

— В этих не стрелять, — тихо произнес Петров. — Иван Андреевич не велел стрелять по женщинам и ребятишкам. Цельсь по офицерам! Огонь!

Падали один за другим беляки. Живые, спохватившись, бросились обратно в вагоны, к пулеметам. Петров решил, что пора уходить.

В Конторке он обо всем доложил Бичу.

А итог этой операции мы передаем по официальной белогвардейской сводке: «26 марта у разъезда Венгерка, в 8 верстах от Тайшета, партизаны разобрали железнодорожный путь. Сошел с рельсов под откос пассажирский поезд № 4. Убито 3, ранено тяжело 10, легко — 30 человек. В двух местах разрушена телеграфная линия».

В тот же день партизаны Гоголевского отряда между селом и станцией Байроновка также разобрали железнодорожный путь, спилили 20 телеграфных столбов и обстреляли воинский эшелон.

То, что произошло западнее и восточнее Тайшета, вызвало у колчаковцев и интервентов новую тревогу и бешеную ярость. До этого диверсий на магистрали не было. Трое суток потребовалось, чтобы ликвидировать последствия аварии под Венгеркой. Еще сразу после налета партизан 18 марта на разъезды Суети́ха и Венгерка при канцелярии красноярского окружного прокурора было заведено следственное дело под грифом «О разбойных нападениях красных на линии железной дороги», ведение которого было возложено на следователя 4-го участка окружного суда. Теперь в нем появилась новая запись: «О крушении поезда № 4 на перегоне Юрты — Венгерка 26 марта 1919 года».

В тот же день из Нижнеудинска в Тайшет прибыл поезд с карательным отрядом в 300 человек во главе с есаулом Кузнецовым. Каратели предприняли попытку разделаться с мятежной Бирюсой, но все их атаки были отбиты. Бирюса и Конторка подверглись первому, но массивному артиллерийскому обстрелу. Сменились все военачальники тайшетского гарнизона. Вместо начальника подполковника Книппера стал полковник Сполатборг, а его заместителем — капитан Баумгартен (все русской службы, хотя и с нерусскими фамилиями). Комендант станции поручик Медведев был заменен чешским майором Беранеком.

Утром 27 марта на здании вокзала станции Тайшет и на других видных местах появилось объявление.

Предупреждаю, что в случае порчи полотна железной дороги и имущества ее или при малейшей попытке повредить вышеуказанное и вообще в случае всякого вооруженного выступления против существующего порядка виновные подвергаются смертной казни.

Деревни, помогающие вышеуказанным преступлениям, будут совершенно уничтожаться.

Шпионы, агитаторы и все, оказывающие им содействие (укрывательство и пр.), будут расстреляны.

Начальник гарнизона, командир 2-го батальона 1-го стрелкового полка, майор **БЕРАНЕК**.

Ст. Тайшет, 27 марта 1919 г.

Но угрозы не испугали партизан. Когда их лазутчики принесли в Конторку один такой листок и об этом стало известно в главном штабе, оттуда поступил приказ командиру не участвовавше-

го еще в деле Староакулшетского отряда срочно выйти на железную дорогу между Тайшетом и станцией Байроновка и снова «разобрать путь, порвать телеграф и устроить засаду на месте разобранного пути». Приказ был выполнен. А конторы — остается только изумляться их решительности и отваге — послали 27 марта в Тайшет своего парламентаря с ультиматумом. Об этом в архивах сохранился такой документ:

ТЕЛЕГРАММА ИЗ КРАСНОЯРСКА В ИРКУТСК. НАЧШТАБ.

Весьма секретно.

Сегодня есаул Кузнецов сообщил из Тайшета следующее: 4-й чешский полк неблагонадежен, заражен большевизмом... Вчера чехи этого полка приняли парламентаря красных, прибывшего из Конторского предложить чехам не действовать против красных, иначе чехов ожидает расправа; парламентарь предложил чехам выслать 30 марта в Конторское представителей на совещание. Парламентарь чехами отпущен...

28 марта № 724.
Капитан **АФАНАСЬЕВ**.

Партизанский парламентарь побывал также в 1-м чехословацком стрелковом полку (идет ли речь об одном и том же лице или о другом — неизвестно). Это видно из другого документа — донесения начальника штаба чехословацкой стрелковой Гуситской дивизии подполковника Жака начальнику штаба Иркутского военного округа от 30 марта за № 12954.

В этом документе, в частности, говорится: «Командиром 1-го чехословацкого стрелкового полка получено от восставших воззвание... Они категорически заявляют, что будут бороться «не на жизнь, а на смерть». Предлагают, чтобы мы выслали делегатов в Конторское... Портить железную дорогу будут и дальше. В переговорах с ними нами было отказано».

Тот факт, что парламентарь (или парламентаря) не были задержаны, а отпущены, говорит о том, что ультиматум все же подействовал. Испугались!

Однако бесконечная бомбардировка Конторки и Бирюсы продолжалась, атаки белогвардейцев также следовали одна за другой. Было много жертв среди мирного населения, горели дома. Женщин и детей стали эвакуировать в партизанский тыл.

А партизаны продолжали свое дело.

То тут, то там останавливались поезда. То тут, то там летели под откос воинские эшелоны. В диверсионные вылазки включился и возникший в десяти верстах южнее Тайшета Серафимовский отряд под командованием Василия Адамовича Горегляда.

4 апреля конторские партизаны захватили станцию Юрты, вывели из строя водокачку при помощи машиниста Петра Бертина — отца отважного партизана Эрнста Бертина. Старика пришлось под видом арестованного увести в тыл, чтобы не пострадала проживавшая в Юртах семья. Белые поверили в «арест», так как в следственном делопроизводстве Красноярского окружного суда по этому поводу говорилось: «Дело об ограблении красными водокачки на станции Юрты и захвате ими машиниста водокачки в ночь на 4 апреля 1919 года».

После этого события на станцию Юрты был введен военный гарнизон в 60 человек.

Особенно крупную операцию по разрушению пути провели 5 апреля конторские партизаны, лично возглавляемые в этом деле Бичом-Тажным, между станциями Юрты и Ключи. С помощью полковничеремховских крестьян они разобрали на большом расстоянии оба пути, причем рельсы вместе со шпалами сбрасывались под откос целыми звеньями. Как свидетельствуют документы белогвардейцев, в результате этой диверсии «потерпел крушение бронепоезд..., серьезно контужен в голову прапорщик Гуз, разбит один вагон, поломан пулемет».

После этой диверсии поезда не ходили пять суток. И тогда-то впервые в белогвардейских сводках и в печати появилось выражение «Тайшетская пробка». Поезда стали ходить с пустой платформой впереди паровоза в качестве буфера. По ночам

беспрерывно курсировали два бронепоезда: «Орлик» и «Тайшет».

Но и это не помогало. Газета «Енисейский вестник» за 16 апреля сообщила, что 7 апреля в результате диверсии красных на перегоне Тайшет—Суетиha сошел с рельсов товарный поезд № 53, а на 1078 версте, между станциями Венгерка и Юрты, потерпели крушение два паровоза. В тот день, 7 апреля, колчаковцы схватили связанного Бирюсинского отряда, путевого сторожа Ивана Карповича Марчана, из авдюшинских крестьян, и повесили на астакаде станции Тайшет. Они вели его на виселицу с доской на груди, со связанными назад руками, чтобы не сорвал. На доске было написано: «Я — взломщик пути».

Другая газета «Наше дело» за 17 апреля поместила сводку за 11 число под грифом: «На Тайшетском фронте»: «11 апреля на перегоне Байроновка — Тайшет был восруженными мятежниками обстрелян броневик, охранявший поезд № 3. Вследствие остановки поезда № 1 произошло крушение. Разбито две теплушки и испорчен паровоз. Двое убитых и двое тяжело раненых».

13 апреля партизаны Контростроительного отряда вывели из строя связь на разъезде Точильный, унесли всю аппаратуру и провода.

Управляющий Енисейской губернией эсер Троицкий в рапорте от 14-го апреля по вышестоящему начальству донес, что «только за трое суток в районе станций Ключи—Тайшет произошло 7 крушений поездов с воинскими грузами и войсками». А по официальной записи ревизора движения в Тайшете, за время с 29 марта по 14 апреля имели место 45 новых случаев порчи пути.

В эти дни красильниковцы готовили новое наступление на Бирюсу. Они схватили стрелочника разъезда Суеги-ха, тоже связанного, Бирюсинского отряда, Нефедя Ивановича Федорова, увезли в Канск и после мучительных допросов расстреляли.

Газета «Правда» вышла 13 апреля 1919 года с крупными заголовками: «Колчак наступает на Волгу, революция грозит новый страшный удар. Тот не достоин имени коммуниста, кто не видит этой опасности. Тот изменяет революции, кто не направляет всех сил борьбы и победы...».

Да, в середине апреля Колчак достиг апогея своего успеха. Белая армия и интервенты оказались всего в 85 километрах от Самары и в 100 — от Симбирска. Из Москвы на Восточный фронт шли эшелоны добровольцев с призывным кличем на вагонах: «Смерть Колчаку!».

Шиткинский штаб не сумел установить прямого контакта с центрами — Иркутском и Красноярском (хотя попытки такие предпринимались). Все сведения о происходящих в стране событиях, о военном положении Советской России Шиткинский штаб получал только от Тасеевского штаба, который был хорошо связан с Красноярском. На связь с тасеевцами в ту пору ездили Анс Кепул, Владимир Швайдецкий, Иван Мусихин, Афиноген Чемоделов, матрос Евдоким Бурульбаш Максименко, фронтовик Николай Лебедев и другие.

Анс Карлович Кепул в беседе с автором этого очерка много лет тому назад рассказывал:

— Начштаба Тасеевского фронта большевик Василий Григорьевич Яковенко снабдил меня сводками с Советского фронта, дал рекомендации, как и где нам в данный момент лучше действовать. Когда по возвращении я передал документы и изложил точку зрения Тасеевского штаба, мы еще более широко развернули диверсионные операции на нашем участке.

Решительно действовали восточнее Тайшета, чаще всего в районе станции Байроновка по обе стороны, партизаны Гоголевского отряда под командованием большевика Проккопия Кривоуцкого. На их счету сотни саженей разобранных путей, десятки спиленных телеграфных столбов, два сожженных деревянных железнодорожных моста, три пущенных под откос маневровых паровоза, сотни метров порванных проводов и другие боевые операции с обстрелом воинских эшелонов.

В стратегическом плане штаба Шиткинского фронта не вылазили с целью уничтожения мелких белогвардейских и белочешских гарнизонов стояли на первом месте.

а постоянное планомерное выведение из строя железной дороги на определенном участке магистрали. Разбором путей, устройством крушений воинских и товарных составов с боевой техникой, живой силой, имуществом и продовольствием врага партизаны Тайшетско-Шиткинского, а равно и действовавших по соседству с ними Кучеровского и Баярского фронтов внесли ощутимый вклад в общее дело победы над Колчаком и интервентами.

В этом главное, особое практическое значение небольшого по масштабам, но значительного по действиям Шиткинского фронта, в сравнении с более сильными — Тасеевским (Северо-Канским) и Степно-Баджейским (Южно-Канским) фронтами, действовавшими вдали от Сибирской магистрали и Московского тракта.

Интересно свидетельство одного белогвардейца-белоэмигранта, работавшего в штабе колчаковского Западного фронта в дни наступления на Самару. В своих воспоминаниях, опубликованных в 1922 году в Берлине, он писал: «Подходя к Самаре в надежде соединиться с Деникиным, мы уже видели в своем воображении Первопрестольную (то есть — Москву. А. Ч.), но у нас не хватило сил. На просьбу о подкреплении ставка Верховного правителя ответила, что резервов нет, что они вынуждены бросать все новые и новые части на внутренние фронты — Ачинск, Канск, Тайшет и другие».

И это так.

В середине апреля белогвардейцы предприняли широкое наступление на форпост Тайшетского фронта — село Бирюсу. Сюда был брошен многочисленный отряд известного карателя атамана Красильникова с полком уфимских стрелков и батальона смерти сотника Скуратова. Красильниковцев поддерживала огнем чешская батарея и броневик, обстреливавшие Бирюсу и Конторку. Наступление было отбито героической обороной Бирюсы во взаимодействии с другими отрядами. А вскоре партизаны и сами перешли в контр наступление, овладев 8 мая станцией Тайшет и удерживая ее около трех часов. Одновременно по обе стороны Тайшета были произведены крупные разрушения железной дороги.

После тайшетской операции партизан движение транзитных поездов через станцию Тайшет прервалось на целую неделю.

Этот красный фронт стоял и действовал на нашей, тайшетской, земле.

Он состоял в основном из наших земляков — крестьян и рабочих. Они сражались и побеждали.

А. Черневский

НА СМЕРТНЫЙ БОЧ

ИЗ ИСТОРИИ ШИТКИНСКОГО
ПАРТИЗАНСКОГО ФРОНТА.

16. СИБИРЬ И ЕЕ ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА ПРИНАДЛЕЖАТ НАМ НАД ТЯЖЕЛЫМ положением Бирюсы серьезно задумывался и главный штаб, пополнявшийся коммунистами. В состав его членов, в частности, был кооптирован старый болшевик и опытный конспиратор Вячеслав Максимович Федоров, сумевший в 1911 году по делу Петербургского комитета РСДРП, известному в истории партии как «Процесс Ш», и отбывший сибирскую ссылку на Чуне. Будучи завскладами Тайшетского отделения Енисейского губернского союза кооперативов, он долгое время не привлекал к себе внимания колчаковской контрразведки. А когда, в конце марта, над ним нависла угроза ареста, скрылся, пробрался в Бирюсу и Конторку, а оттуда — в главный штаб. Под конспиративной фамилией Ильи Невского Федоров работал секретарем главного штаба Шиткинского фронта.

Конторку и Бирюсу теперь постоянно навещали для руководства и координации действий члены главного штаба коммунисты Владимир Иванович Швайдецкий и Ане Карлович Кепул, Филипп Михайлович Чайковский и другие.

Первоочередной задачей в эти дни главный штаб считал расширение диверсий на линии железной дороги по фронту и частоте, с целью остановки движения воинских эшелонов, разрушения связи и истребления живой силы противника.

Первого апреля Гоголевскому и Староаккульшетскому отрядам было дано письменное предписание «принять энергичные меры к разрушению железной дороги, уничтожению телеграфной и телефонной связи, для чего каждую ночь высылать команды лыжников и успешную разведку в сторону противника, а также установить непрерывную прочную связь с главным штабом и остальными отрядами».

В ночь на 3 апреля Тайшетский отряд Бича и лыжный взвод Степана Петрова, с помощью крестьян деревень Черемшанка и Михайло-Шахово совершили налет на станцию Ключи, разрушили путь на значительном расстоянии, в результате чего потерпел крушение воинский состав. В канцелярии прокурора Красноярского окружного суда появилось новое дело «О крушении воинского поезда на станции Ключи вследствие повреждения пути красными 3 апреля 1919 года» (Государственный архив Красноярского края, фонд 1763, опись 1, дело 81, лист 8).

Лыжная команда Бирюсинского отряда, насчитывавшая уже 35—40 человек, которую теперь возглавлял Михаил Жичкин, совместно с лыжниками Староаккульшетского отряда во главе с Василием Тарасенковым предприняли в эту ночь попытку совместного нападения на Тайшетскую водоканчку с целью

овладения пулеметом. Жичкин подошел с тракта, а Тарасенков — с севера, по реке Тайшетке. Но на водокачке, оказался уже целый гарнизон белочехов, которые обнаружили даже еще лыжников и обстреляли их из винтовок и находившегося на вышке пулемета. Партизаны открыли огонь и попытались вести наступление, но на выстрелы тут же пошел из Тайшета бронепоезд, и лыжникам пришлось отступить.

Зато в ту же ночь партизанами были удачно проведены две другие операции.

Одну из них осуществляла та же лыжная команда Василия Тарасенкова. Отступив на некоторое расстояние от водокачки, вниз по реке Тайшетке и не желая безрезультатно возвращаться в отряд, староокультники свернули на восток и обойдя Тайшет с северной стороны, направлись к станции Байрасовка. Пройдя верст пятнадцать, они вышли к знакомой выемке, в пяти верстах от станции где неделю назад крепко побойнотали вместе с Гоголевским отрядом. Разрушенный тогда путь и телеграф были уже восстановлены.

— Ладно сработали, да только мы им сейчас поправочку сделаем, — произнес Федор Занасов.

Тарасенков оставил часть отряда на месте, а с остальными продвинулся немного вперед, до ближайшей будки. У путевого обходчика забрали лану и ключи. На старом месте снова произвели разрушение пути и телеграфа, но в меньшем масштабе. Партизаны задумали от имени железнодорожной администрации вызвать из Тайшета броневик, который должен потерпеть крушение. Но ни в одной из ближайших будок телефона не оказалось, и план не удался.

Вторая операция в эту ночь была проведена Конторским отрядом под командованием Бича-Таежного, но основное ядро его составляли юртинцы, получеремховцы, кодорцы и еловцы. Поехали на подводах к Юртам. Идею подсказал юртинцев Эрст Бертин, бывший красногвардеец, сын мажиста юртинской водокачки. Старик ненавидит белоохранителей и чуужеземцев, хочет чем-либо помочь. Хотя бы привести в негодность водокачку, и тогда поезд не сможет заправляться водой. Только нужно вывезти огни, инсценировать насилие, так как в пристанционном поселке оста-

нется большая семья.

— Умно! — воскликнул Иван Андреевич. — А маски есть?

— Зачем маски? — спросил в недоумении Эрст.

— А чтобы тебя никто не признал, а то потом все равно ваши найдутся такие, что выдадут семьи. Ведь найдутся такие?

— Это вы правильно говорите, товарищ Таежный. Такие люди есть. Вот, например, лавочник наш, Моисей Давыдович Рубяштейн. Опасаются его, юдят около чехов и русских белаяков.

— Предатель? Предателям надо вспарывать брюхо! — сказал Бич. Он произнесил некоторые слова с белорусским акцентом.

— В прямом предательстве пока не уличен, — заметил Бертин.

— Ну, тогда другое дело. Зря человека польза умирать...

Иван Андреевич вдруг рассмеялся.

— Вспомнил я тут отца исторю. На разъезде Светиха был наш человек отличный мастер на все руки. Андрей Емельянович Яхвонинский. Помогал нам. Повалился он нам, как хороший мастер, в оружейную мастерскую. Да и ему нельзя уже было оставаться на разъезде. В подозрении был. Вот и надо было вывезти его оттуда, да так, чтобы на семью пятно не пало. Взял я с собой группу самых боевых ребят, молч черчетцев, и с ними мы проделали эту операцию. Заскочили в маски — пришлось прибегнуть к маскарэду, так как на Светихе все знали о наших дружеских отношениях. Увезли Емельяныча. А семья его потом перебралась в д. Слодох.

Эрст слушал рассказ Бича с большим волнением. А выслушав, сказал:

— Нет, Иван Андреевич, я лучше тайком заскочу в дом к отцу и предупрежу его. А сам на станции и водокачке появляться не буду.

— Умно, — согласился Бич, сверкнув синими глазами.

Операция прошла без эксцессов. Водокачку привели в полную негодность, а «арестованного» машиниста Петра Петровича Бертина на глазах у всех железнодорожных служащих вели «под конвоем».

Будем документальны. Вновь заведенное дело под № 105 в канцелярии красноярского окружного прокурора называлось: «Об ограблении красными водокачки на станции Юрты и захвате машиниста водокачки в ночь на 4-апреля 1919 года (Государственный архив Красноярского края, фонд 1763, опись 1, дело 81, лист 9).

А через сутки, в ночь на пятое апреля, с субботы на воскресенье, отряд Бича-Таежного, вместе с получеремховскими и черемшанскими крестьянами вышел к линии железной дороги в район разъезда Точидный, на перегоне Юрты—Ключи. Крестьяне под охраной вооруженных партизан ломали путь, переворачивали и сбрасывали под откос рельсы вместе со шпалами, а группа партизан ворвалась тем временем в станцию и овладела телефоном. Когда путь был разрушен на расстоянии более полуверсты, Бич от имени начальника разъезда вызвал с Тайшета бронепоезд, и белоохранительцы «клюнули» на партизанскую уловку. Бронепоезд потерпел крушение.

В этой операции отличились партизаны Роман Шерстнев, Гурьян Атаев, Николай Малеев, Малка Никития, Василий Жернов, Петр Климов, Николай

Гугушкин, Иван Скуликин, Роман Макошин, Константин Раев и многие другие бойцы армии народных мстителей. Самоотверженно, с энтузиазмом рушили дорогу получеремховские крестьяне Селиверст Дергунов, Егор Баюнков, Алексей Чернышев, Илья и Лукьян Макошины, да и не только они.

Оперативная сводка колчаковцев об этом событии сообщила коротко: «В ночь на 5 апреля потерпел крушение бронепоезд между станциями Ключи—Юрты. Серьезно контужен в голову прапорщик Гуз, разбит один вагон, поломан пулемет».

Не в силах справиться с партизанами в открытом бою и при помощи артиллерийского огня предотвратить разрушение железной дороги, колчаковцы решили выместить злобу на железнодорожниках.

В воскресенье, 6 апреля, перед благовещением, жена путевого сторожа Ивана Карповича Марчана ушла в Авдюшино, взяв с собой годовалого

сынишку Шурька. И в тот же день из Бирюсы вышли Жичкин, Петр Горемыкин и Павел Агапитов, везя с собой папку партизанских прокламаций. Они расклеили их вдоль линии железной дороги на телеграфных столбах, от трубы до Бирюсинского переезда и пробрались на Кондратьеву заимку. Жичкин собрал здесь сведения о положении в Тайшете и вернулся в Бирюсу. Горемыкин и Агапитов остались в Тайшете для постоянной разведки и связи — таково было распоряжение Бирюсинского штаба. Ребята недолго пробыли в отряде, и их отсутствие здесь осталось незамеченным. Проживая на заимке, они спокойно могли собирать и передавать необходимые сведения. Им же было поручено тайно расклеить на видных местах листовки. На вокзале это сделал Михаил Карпович Москвитин. И однажды рано утром чеки и белогвардейцы с ужасом уви-

дели рядом с приказом майора Беранека партизанскую листовку, состоящую всего из нескольких коряво написанных от руки слов: «СИБИРЬ и ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА — НАШИ! КРАСНЫЕ ПАРТИЗАНЫ!».

КОНТОРКА в эти дни, в отсутствие Бича, еще не делала вылазок на железную дорогу с целью диверсий. Она укрепляла тыл, налаживала организационные и хозяйственные дела, строила укрепления на подступах к селу с юга — за Тараем, со стороны железной дороги, и с запада — со стороны Еловой, по тракту. Гавриил Ильин и Ермил Насонов отвечали за охранение на случай внезапных налетов бело-гвардейцев, организовывали караульную службу — посты и заставы, посылали дозоры и обеспечивали ближнюю разведку. В то время, как Тасжный отряд Бича, который временно возглавляли Николай Чемоданов (Скворцов) и Трифон Силин (Ходя), осуществлял глубокую разведку по линии железной дороги на участке Венгерка—Юрты. Лыжная команда Степана Петрова держала под контролем полосу железной дороги от Юрт до разъезда Точильный и Московский тракт от Еловой до Черемшанки.

Настоящих боев еще не было, но на одном из домов в центре села уже вырисовывался на белом полотнище красный крест. Ротный фельдшер Михаил Никитин «укомплектовал штаты» лазарета. Нашлась бывшая сестра милосердия Анна Михайловна Павлекайтис, жена застрывшего в Конторке агента компании «Зингер». Пришли молодые крестьянские девчата Мотя Костецкая, Катя Сидорова, Дуся Яковлева. Они ходили по домам, собирали марлевые занавески, тонкое белое полотно, нарезали бинты и шипали корпию про запас.

Ловинский крестьянин Архип Коршунов предоставил половину своего дома под ружейную мастерскую и вместе с Ермолаем Сидоровым с первых дней взялся за ее оборудование. В помощь к ним поступил бывший четинский машинист и красногвардеец Николай Коротков.

В 1917—1918 году Коротков водил паровозы и даже бронепоезд самого Лазо. После временного прекращения борьбы открытым фронтом против семеновцев и белочехов, в августе восемнадцатого, он тайно пробрался в деревню Получеремхово к свояку Ивану Быбину, где и скрывался некоторое время. Но вскоре был выслежен юртинским милиционером Зеленинко, арестован и отправлен в канскую тюрьму. Стараями польщиками и советски настроенных людей удалось склонить население деревни к принятию приговора общества в защиту Короткова, и он был освобожден на поруки. Несмотря на то, что он был на примете, он включился в работу подпольной группы. Однако, чтобы ввести в заблуждение приспешников Колчака и белочехов и не подвести взявшее его на поруки сельское общество, Коротков не пошел в партизанский

отряд сразу, с первой массовой группой получеремховцев. Выждал несколько дней и пустил слух, будто уезжает в Читу. Забрав жену и сделав вид, будто едет на станцию, направился в Конторку. Человек он не военный, и Игнат Козлов нашел, что целесообразней использовать его в мастерских боепитания.

Заработала и партизанская кухня, устроенная в бывшей винополке.

Чувствовалось во всем, что повстанцы готовились к решительным боям и длительной борьбе с врагом.

Но тут, вдруг, по Конторке ударили первые снаряды. Они свалились, как снег на голову. Фронтвики, видевшие виды, не растерялись, когда деревню потряс гром орудийных залпов и задрожали окна в избах. А бабы, лишь понаслышке имевшие отдаленное представление о бомбежках, бросились в панику, запричитали, хватая плачущих ребятшек, выводили скот, неизвестно куда и зачем.

Выскочивший из штаба Игнатий Козлов казался беспомощным. Не виляя ртом и не чувствуя плеча Ивана Андреевича Бича, он не знал, что делать, метался из стороны в сторону. И, будто впервые заметив белое полотнище с красным крестом на лазарете, напал на тут же появившегося фельдшера Никитина.

— Ты что, доктор, мишень выставил? — указывая на белое полотнище с красным крестом, закричал он. — А ну, скрывай сейчас же.

Члены штаба и командиры принимали все меры, чтобы ликвидировать панику. Послали связанных в Бирюсу, узнать, что там, и в Нижнюю Заимку с донесением. В Бирюсу Игнатий направил своего рисарпедьютанта Ивана Сазайкина-Назарова, а в Нижнюю Заимку — Иннокентия Романовича Неизвестных.

Снаряды летели со стороны развала Венгерка, но не долетали до села, взрываясь за Тараем, а многие зарывались с страшным шипением в снег и безмолвно замирали там.

Несмотря на то, что враг выпустил на Конторку не менее двух-трех десятков бомб, которые, как выяснилось позже, оказались русскими трехдюймовками и японскими шестидюймовыми снарядами, ни один из них не попал в цель и не причинил никакого вреда. И удивительное дело! Взрывались только русские трехдюймовки, а японские снаряды лишь фыркали в снегу. На стихийно возникшем тут же митинге на открытом воздухе ораторы говорили:

— Товарищи! Вы видите, что японский пролетариат стоит за нас, за мировую революцию. Не иначе, как они подсыплют песочек в снаряды, не желая убивать русских рабочих и крестьян!

В это время вернулись разведчики, высланные ранее на

железную дорогу, и доложили, что на Венгерке стоит самодельный броневик с пушками и пулеметами. Вскоре возвратились и связные. Они сообщили, что в Бирюсе все спокойно, а главный штаб не имеет донесений от Старо-акулышетского и Гоголевского отрядов.

Это была первая попытка молчаковцев разделиться с мятежной Конторкой при помощи бомб, окончившаяся полной неудачей.

Через два дня враг повторил артиллерийскую атаку,

выпустив вдвое больше снарядов, но с тем же результатом.

Станция Юрты в годы гражданской войны (1918 – 1920 г.г.)

Из телеграммы генерала Розанова в Иркутск: «5 апреля 1919 года в ночь потерпел крушение бронепоезд белогвардейцев на станции Ключи-Юрты; серьёзно контужен в голову прапорщик Гуз, разбит один вагон, поломан пулемёт. Отряд Совдепа расстрелял 19 человек, повесил двоих».

«Шайка красных, вооружённая японскими и трёхлинейными винтовками в числе 100- 120 человек, прошла 31 июля через деревню Черемхово. Шайка состоит в большинстве из дезертиров. Деревня Юрты атакована не была»

(полковник Главацкий).

«Среди партизан Шиткинского фронта было много железнодорожников. Это юртинцы и половиночеремховцы Николай Гугушкин, Эрнст Бертин, Василий Жернов, Иван Захарюк, Николай Малеев, Владимир Шерстнёв, Роман Макошин. При помощи ломов партизаны раздвигали рельсы, выбрасывали шпалы под откос». (А.Черневский. Тайшетская пробка. Том 1 Гражданская война в Сибири. Сибирский исторический альманах. Заря коммунизма № 77 от 15 мая 1984 г.)

«Воспоминания ветерана» - интервью корреспондента А.Демьянова с бывшим партизаном Шиткинского фронта, участником гражданской и В.О.В. Николаем Егоровичем Малеевым (Заря коммунизма № 15 от 25.01.1980 г.)

Родился **Н.Е.Малеев** в 1901 году в селе Половино – Черемхово. В 1913 году семья Малеевых переехала жить в Юрты.

В начале 1919 г. на станции Юрты белогвардейцы повесили двух железнодорожников. В это время Н.Е.Малеев работал грузчиком на станции. После этого случая он решил уйти в партизаны и сражаться против белогвардейцев. У Николая Егоровича был близкий друг – партизан Михаил Никитин, прозванный в отряде за маленький рост «Малка».

Статья Парщиковой Т.М., завуча школы № 24 «Гордимся земляками» («Заря коммунизма» № 47 от 23.03.1979 г.)

Н.Е.Малеев написал краеведам из Юрт, что **в 1919 году из Юрт в отряд Бича – Таёжного ушло 6 человек: Василий Жернов, Иван Захарюк, Иван Осипенко, Николай Малеев, Михаил Розенталь, Эрнст Бертин.** Михаила Розенталя, сына мелкой лавочницы Розенталихи, предали в деревне Шелаево. Затем в деревне Пойма его казнили (повесили на лиственнице).

Николай Егорович написал про Ивана Осипенко, который в 16 лет вступил в партизанский отряд, был лучшим лыжником.

У Малеева убили отца, сильно избили мать за то, что их сын Николай был в партизанах.

«Заря коммунизма» № 64 от 21.04. 1979 г. А.Черневский.

Из донесения управляющего Енисейской губернией в колчаковское Министерство внутренних дел в Омск:

«Линия железной дороги от Красноярска до Нижнеудинска в положении критическом. Администрация терроризирована, постоянно портятся пути или телеграф; часто происходят крушения поездов, все поезда обстреливаются...»

16 апреля. На перегоне Ключи – Точильный конторские партизаны разобрали оба пути на 1060 версте и настил моста на 1059 версте.

Статья Елены Белоглазовой, ученицы Половино – Черемховской школы «Вся округа ездилась лечиться к Михаилу Никитину» («Бирюсинская новь» 23.07.2004 г.)

«Михаил Павлович Никитин родился в 1893 году, умер в 1984 году.

Юношей Михаил Никитин работал на сооружении ж.д. станции Юрты. Носил кирпичи, привязав их к спине. В 1919 году с братьями Александром и Малкой ушёл в партизаны. Воевал в отряде Николая Бурлова. Оказывал помощь раненым, заведовал лазаретом».

С.Кожевников. «Конец борьбы с чехословаками»: « В последних числах декабря 1919 г. 30 –я стрелковая дивизия, 88 – я бригада двинулась вслед за чехами и дошла до станции Юрты. Бригадой командовал тов. И.К.Грязнов».

Осипенко Иван Андреевич

В книге «Очерки о Шиткинских партизанах», изданной в Красноярске в 1974 году по материалам Красноярского краеведческого музея (А.Лифантьев), в указателе личных имён на странице 114 записана фамилия Осипенко Ивана Андреевича:

«Осипенко И.А. – молодой партизан, чоновец, партийный работник, участник 16 партсъезда».

На стр.71 написано: «Почти без всяких расспросов приняли в отряд 15 летнего Ивана Осипенко. Многие партизаны знали его, помнили, как год назад он был уволен их железнодорожных мастерских Тайшета за связь с большевиками. В 20-х годах Осипенко служил в отрядах чоно, в 30-х работал секретарём Рыбинского райкома КПСС, а ещё позднее заведовал отделом в Красноярском краевом комитете партии».

А вот ещё один исторический документ, написанный для музея города Иркутска:

«Осипенко Иван Андреевич (1903 - 1938 г.г.)

Сын многосемейного железнодорожного рабочего станции Юрты Тайшетского района Иркутской области. С юных лет работал вместе с отцом на железной дороге. За поддержку большевиков в 1918 году оба с отцом были изгнаны с работы.

В первые же дни организации Шиткинского партизанского фронта И.А.Осипенко в 15 – летнем возрасте вступает добровольцем в Конторский партизанский отряд, в котором, как железнодорожник, активно участвует в диверсионной группе по подрыву и разрушению железной дороги. Смелый и отважный партизан неоднократно участвует в боевых операциях с белогвардейцами и интервентами. Дважды прорывается из вражеского окружения. После окончания гражданской войны в составе 12 –го Ачинского кавалерийского эскадрона части особого назначения (ЧОН) Иван Андреевич Осипенко принимает активное непосредственное участие в ликвидации белогвардейской банды Соловьёва в Хакасии. В боях дважды ранен. Затем служба в Красной Армии.

С 1928 года – партийный работник – секретарь Нижнеудинского, Рыбинского райкомов КПСС, работник Красноярского крайкома КПСС. Участник 16 – го и 17 – го партийных съездов КПСС в 1930 и 1934 годах.

Краевед, член военно-научного общества Лифантьев
Анатолий Николаевич, г. Красноярск.

В газете «Заря коммунизма» от 12.01.1973 г. в заметке А.Черневского «Путь партизана», посвящённой 55 – летию вооружённых сил СССР, описан весь жизненный путь этого замечательного человека.

«В одну из последних мартовских ночей 1919 года, пробираясь зимними тропами по задам, сторонясь чешских патрулей, пристанционный посёлок Юрты покинули сразу четверо путейских рабочих: семейный человек и бывалый солдат Василий Игнатьевич Жернов, холостёжь Иван Осипенко, Николай Малеев и Иван Захарюк, а с ними сын мелкой лавочницы Розенталихи Михаил. Они пробирались в восставшую Конторку.

Всю пятёрку Иван Андреевич Бич зачислил в свой, тогда ещё небольшой, Таёжный отряд.

Самым молодым из вновь прибывших был рослый, голубоглазый юноша Ваня, из многодетной семьи украинского переселенца, путевого обходчика Андрея Ивановича Осипенко. Парнишке не было и 16 – ти полных лет.

Но, несмотря на столь юный возраст, он оказался хорошим партизаном. Редко какая операция или вылазка для диверсий на перегоне Венгерка – Ключи проходила без его участия. Смелым бойцом – лыжником показал себя Иван Осипенко в боях под Бирюсой в дни красильниковского наступления в апреле 1919 года. Он прошёл со своими старшими товарищами по оружию по всем маршрутам партизанских отрядов Шиткинского фронта. Не случайно видный деятель Шиткинского фронта П.Д.Криволицкий в рекомендательном письме – заявлении в Восточно-Сибирский крайком ВКП (б) в январе 1932 года о представлении к правительственным наградам «наиболее заслуженных и отличившихся в вооружённой борьбе с белогвардейцами за власть Советов шиткинских партизан» в числе десяти человек из отряда Бича называет всех юртинцев, в том числе и Осипенко И.А.

По молодости лет Иван Осипенко, с приходом Красной Армии, не был зачислен в её ряды. Но восстановленная в Сибири Советская власть, чему и он, рабочий – подросток, посвятил целый год борьбы и скитаний по тайге, открыла перед ним широкую дорогу. Его послужной список раскрывает перед нами весь жизненный, трудовой путь партизана и бойца партии.

Уже в 1920 году способный и энергичный парень Иван Осипенко, у которого за плечами только четыре класса сельской школы, подготовился и сдал экзамен на телеграфиста. В этой должности он работал некоторое время на станции Тайшет, а затем был переведён на станцию Иланская, где в 1922 году вступил в РКП (б), а позже был выдвинут на руководящую профсоюзную работу (член президиума дорпрофсожа ст. Иланская, член Канского окрпрофсовета).

В 1925 – 1927 г.г. И.А. Осипенко служил в Красной Армии и там не только постигал военное искусство, но и упорно повышал своё образование.

По окончании воинской службы Иван Андреевич избирается в 1928 году секретарём Рыбинского, а в 1930 году Нижнеудинского райкомов партии. А вскоре его переводят в аппарат Красноярского райкома партии.

За этим послужным списком стоит титаническая работа партийного избранника, бойца за осуществление первых пятилеток, реконструкции сельского хозяйства, за

претворение в жизнь исторических решений партии периодов НЭПа, индустриализации и коллективизации сельского хозяйства...

... И.А.Осипенко прожил короткую, но яркую жизнь. Он трагически погиб в 1938 году в возрасте 35 лет...».

Архивная справка

(партийный архив иркутского областного комитета, 1973 г.)

«**Осипенко Иван Андреевич** родился в 1903 г., рабочий 5 – го околотка 2- го участка службы пути Томской железной дороги. В 1918 г., во время чешского переворота, уволен вместе с отцом с железной дороги за активную поддержку большевиков. В марте 1919 г. 15 – летним вступил добровольцем в Конторский партизанский отряд Шиткинского фронта. После июня 1919 г., до прихода в Сибирь Красной Армии, состоял добровольцем первого партизанского отряда Шиткинского фронта. За время пребывания в партизанских отрядах тов. Осипенко проявил себя стойким бойцом за власть Советов и своей неустранимостью, доблестью и героизмом всегда был примером для соратников по отряду. После ликвидации колчаковщины тов. Осипенко, находясь в 12 – ом Ачинском сводном кавалерийском эскадроне ЧОН участвует в ликвидации банды Соловьёва в Хакасии, где получает два ранения. После окончательной ликвидации колчаковщины тов. Осипенко работает на выборной руководящей профсоюзной и партийной работе...»

Заведующая партархивом

Иркутского обкома

КГТСС

Шапранова.

Воспоминания об отце

(Рассказывает дочь Ивана Андреевича Осипенко Клара Ивановна)

«Много чего помню и об этом хочу рассказать: всё это происходило в Заозёрной. Был тиф, и вот ночью к нам в дом привозят из какого – то колхоза двух мужчин (больницы были переполнены). Мама так плакала и ругала папу: «Ваня, что ты делаешь? Ведь у нас дети!»

Однажды какой – то мужчина принёс для нас четверых детей, полное ведро яиц. Тётя Нюра (папина сестра) сварила нам по яичку. Приходит на обед папа и спрашивает у Нюры: «Что за яйца?»

- Какой – то человек приходил и сказал, что это детям Ивана Андреевича, - ответила Нюра.

Папа подошёл к телефону, позвонил куда – то, и через некоторое время пришла женщина и забрала ведро с яйцами. Оказывается, папа их отдал в детский сад.

У нас дома всё было очень скромно, но книг было много. Полное собрание сочинений К.Маркса, Ф.Энгельса, Ленина, Сталина и других. Вся папина комната была в стеллажах с книгами – это было его богатство.

Папа очень много работал. Ездил по командировкам, по колхозам и иногда брал меня с собой. Никогда не забыть, когда в поездках, проезжая мимо полей, останавливался и показывал мне гречиху – такие маленькие нежно – фиолетовые цветочки, пшеницу, овёс, рожь. На всю жизнь у меня в памяти всё это осталось.

Крайне редко, по вечерам, брал меня к себе на работу. Я хорошо запомнила, что у него в кабинете стояли снопы пшеницы и овса. Даст мне карандаш и бумаги, и мы с ним работаем, а утром я просыпалась дома.

Помню, как папа тяжело переживал смерть Сергея Мироновича Кирова, после митинга пришёл домой – ходил из угла в угол, он не мог ни с кем разговаривать.

7 августа 1937 года мой папа был арестован и заточен в Красноярскую тюрьму, где его расстреляли, как врага народа...

А в 1957 году мы получили справку:

Военной Коллегии суда от 18.12.1956 г. за № 4н 022497/56 «приговор Военной Коллегии от 16 июля 1938 г., в отношении Осипенко И.А., по вновь открывшимся обстоятельствам, отменён и дело за отсутствием состава преступления прекращено.

Осипенко Иван Андреевич реабилитирован посмертно».

В 1961 г. постановлением бюро Красноярского Крайкома КПСС от 25 августа «Осипенко Иван Андреевич реабилитирован в партийном отношении посмертно».

А сколько бы мог сделать наш отец для нас, четверых детей, для людей, я не побоюсь этого громкого слова – для Родины.

А папу я помню таким добрым, ласковым, замечательным человеком.

Приложение.

Иван Андреевич Осипенко.

И. А. Осипенко (фото 20-х г.)

И. А. Осипенко – делегат XVI съезда ВКП (б)

И. А. Осипенко в рядах шиткинских партизан

ПУТЬ ПАРТИЗАНА

В одну из последних мартовских ночей 1919 года, пробравшись зимними тропами по задкам, сторожась чешских патрулей, пристанционный поселок Юрты покинули сразу четверо путейских рабочих: семейный человек и бывалый солдат Василий Игнатьевич Жернов, холостяк Иван Осипенко, Николай Малеев и Иван Захарюк, а с ними и сын мелкой лавочницы Розенталихи — Михаил.

Он пробрался в оставшуюся Конторку. Всю пятёрку Иван Андреевич Вич зачислил в свой, тогда еще небольшой, Тайский отряд. Самым молодым из вновь прибывших был рослый голубоглазый юноша Ваня, из многодетной семьи украинского переселенца, путевого обходчика Андрея Ивановича Осипенко.

Парнишке не было и 16 полных лет. Не смотря на столь юный возраст, он оказался хорошим партизаном. Редко какая операция или вылазка для диверсий на перегоне Венгерка — Ключи проходила без его участия. Смелым бойцом-лыжником показал себя Иван Осипенко в боях под Бириусой в дни красильниковского наступления в апреле 1919 года. Он прошел со своими старшими товарищами по оружию по всем маршрутам партизанских отрядов Шиткинского фронта.

Не случайно видный деятель Шиткинского фронта П. Д. Кривошукшин, в рекомендательном письме-заявлении в Восточно-Сибирский крайком ВКП(б) в январе 1932 года, о представлении к правительственным наградам «наиболее заслуженных и отличившихся в вооруженной борьбе с бело-гвардейцами за власть Советов шиткинский партизан», в числе 10 человек из отряда Вича называет всех юртинцев, и в том числе Осипенко И. А.

По молодости лет Иван Осипенко, с повалом Красной Армии, не был зачислен в ее ряды. Но восстанавливал в Сибири Советская власть, чему и он, рабочий-подросток, посвятил целый год борьбы и скитаний по тайге, открыта перед ним широкая дорога. Его послужный список раскрывает перед нами весь жизненный, трудовой путь партизана и бойца партии.

Уже в 1920 году способный и энергичный парень Иван Осипенко, у которого за плечами только четыре класса сельской школы, подготовился и сдал экзамен на телеграфиста. В этой должности он работал некоторое время на станции Тайшет, а затем переведен на станцию Иланск, где в 1922 году вступил в РКП(б), а позже был выдвинут на руководящую профсоюзную работу (член президи-

ма дорпрофсожа ст. Иланск, член Иланского профсовета).

С 1925 по 1927 год И. А. Осипенко служил в Красной Армии, и там не только постигал во искусство, но и упорно повышал свое образование.

По окончании воинской службы, Иван Андреевич избирается в 1928 году секретарем Рыбинскского райкома ВКП(б) по Восточно-Сибирскому краю, где он ведет отдел кадров, а затем возглавляет тор основных зерновых районов Восточно-Сибирского крайкома партии.

В конце 1932 года И. А. Осипенко снова работает секретарем Рыбинского РК ВКП(б) и на должности он трудится более пяти лет, а в мае 1937 года переводится в аппарат Красноярского крайкома партии.

За этим послужным списком стоит титаническая работа партийного избранника, бойца за осуществление первых пятилеток, реконструкции сельского хозяйства, за превращение в жизнь исторических решений партии периодов НЭПа, индустриализации и коллективизации сельского хозяйства.

Стойкий коммунист, выходец из недр рабочего класса, Иван Андреевич Осипенко, неся тяжкое партийное бремя руководителя, принимал и редственное участие в ликвидации антисоветской кулацко-белогвардейской авантюры — банды Соловьева в Минусинском уезде в 1923 году, в ряде выступлений в Нижнеудинском уезде в 1923 году. Он был делегатом XVI съезда партии, в котором избран на пятый Иркутской окружной конференции ВКП(б) в мае 1930 года.

И. А. Осипенко прожил короткую, но яркую жизнь. Он трагически погиб в 1938 году, в возрасте 35 лет.

Жена и партийный товарищ Ивана Андреевича — Мария Александровна Осипенко (в тридцать лет она работала директором Тайшетторга) сказала мне о судьбе семьи. Все четверо детей настоящее время живы. Самый старший сын Иванович Осипенко — геолог, участник Великой Отечественной войны, работает во Вьетнаме. Второй сын — Владимир Иванович — аппаратчик Усольского завода, Эдуард — радист Гражданского воздушного флота, а дочь Клара — работница Ангарской эл. станции.

А. ЧЕРНЕВСКИЙ

ПУТЬ ЮНОГО ПАРТИЗАНА

Сыну путевого обходчика ст. Юрты Ване Осипенко было 15 лет, когда в Сибири восторжествовала черная реакция и белый террор.

Но вот окрестные крестьяне и рабочие поднялись на борьбу с Колчаком, за восстановление Советской власти. Иван с группой товарищей уходит добровольцем в Конторский партизанский отряд к Вичу. Несмотря на юный возраст, он показал себя смелым бойцом. Ни одна боевая операция не проходила без его участия.

...Кончилась гражданская война. В Тайшет вступили регулярные части Красной Армии. Боевые товарищи Ивана влились в ее ряды. А его по молодости лет не взяли в красноармейцы. Имел за плечами всего четыре класса сельской школы, Иван подготовился к экзамену на телеграфиста и успешно сдал его. Вступил в комсомол. А переведясь из Тайшета в Иланск, в 1922 году вступил в РКП(б).

Только в 1925 году Ивана Осипенко призвали в армию. По окончании военной службы он выдвигается на ответ-

ственную партийную работу секретарем Рыбинского райкома ВКП(б) Красноярского края, секретарем Нижнеудинского райкома партии, заведующим сектором основных зерновых районов Восточно-Сибирского крайкома ВКП(б).

И в мирное время Ивану Андреевичу Осипенко не раз еще приходилось братья за оружие. Он участвовал в ликвидации банды Соловьева в Минусинском уезде в 1923 году и кулацких выступлений в Нижнеудинском уезде в 1930 году.

Умер он рано, едва дожив до 35 лет. Но и за свою короткую жизнь он сделал много для Родины в борьбе за осуществление планов первой пятилетки, реконструкцию сельского хозяйства, индустриализацию. В последние годы жизни И. А. Осипенко работал в аппарате Красноярского крайкома партии.

Таков краткий, но яркий жизненный путь бывшего юного партизана, комсомольца 20-х годов, нашего земляка коммуниста Ивана Андреевича Осипенко.

А. ЮРЬЕВ.

*Справа Иван Андреевич Осипенко и его жена
Марина Александровна Осипенко(Мозалевская).*

Справка о реабилитации.

Форма № 30

С П Р А В К А

Военная Коллегия
Верховного Суда
Союза ССР

18 декабря 1956 г.
№ 4н-022497/56
Москва, ул. Воровского, д. 13.

Дело по обвинению ОСИПЕНКО Ивана Андреевича пересмотрено Военной Коллегией Верховного Суда СССР 1 декабря 1956 года.

Приговор Военной Коллегии от 16 июля 1938 года в отношении ОСИПЕНКО И.А. по вновь открывшимся обстоятельствам отменен и дело за отсутствием состава преступления прекращено.

ОСИПЕНКО И.А. реабилитирован посмертно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ СУДЕБНОГО СОСТАВА
ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР
ПОЛКОВНИК ЮСТИЦИИ - *П. Лихачев*
/П.ЛИХАЧЕВ/

аи

ГОРДИМСЯ ЗЕМЛЯКАМИ

60-летие Шиткинского фронта... Чем дальше отходят суровые и боевые события тех дней, тем с большею теплотой вспоминаешь о людях, причастных к этим великим событиям.

К РАЕВЕДЫ школы № 24 Наташа Черенева, Лена Сафонова, Володя Карпенко, Галина Агалагова заинтересовались историей Шиткинского фронта, им хотелось узнать, кто же из земляков защищал Советскую власть в Сибири. С чего начать?

Решили, что со встречи с журналистом А. Ю. Черневским. Он дал советы, рекомендации, назвал статьи, книги о боях Шиткинского фронта. И вот полетели наши письма к бывшим бойцам Шиткинского фронта.

Откликнулся на наше письмо Николай Егорович Малеев, участник двух войн: гражданской и Великой Отечественной. Он написал, что из Юрты в 1919 году в отряд Бича-Таежного ушло шесть человек: Василий Жернов, Иван Захарюк, Иван Осипенко, Николай Малеев, Михаил Розенталь, Эрнст Бертин.

Николай Егорович благодарен старому солдату-пулеметчику В. И. Жернову, научившему его стрелять из пулемета «Кольта», а затем

из «Максима». Михаила Розенталя, пишет Николай Егорович, предатели в деревне Шелаево, в деревне Пойме казнили, здесь же, у устья реки Поймы, он и похоронен. Николай Егорович выслал нам статью А. Ю. Черневского из нашей газеты «Заря коммуниста», в которой рассказывается еще об одном бойце — Иване Осипенко.

Иван Осипенко был моложе всех. Шестнадцати лет вступил он в партизанский отряд, был лучшим лыжником. Видный деятель Шиткинского фронта П. Д. Кривошукский в рекомендательном письме-заявлении в Восточно-Сибирский крайком ВКП(б) в январе 1932 года о представлении к правительственным наградам наиболее заслуженных и отличившихся в вооруженной борьбе с белогвардейцами за власть Советов шиткинских партизан из отряда Бича называет всех юртинцев, в том числе И. Осипенко.

В своих письмах Николай Егорович вспоминает поселок Юрты. Слово Юрты вызывает у старого партизана шемящее чувство большой утраты, воспоминания о безрадостном детстве. Девять детей было в семье Малеевых. Семью преследовали за то, что один из сыновей был

в партизанах. Однажды интервенты вывели на казнь отца Малеева, старик Водолитов заступился за него, просил казнить вместо Малеева себя: «У меня нет никого, а у Егора девять детей». Белогвардейцы отметили казнь, но избили отца так, что он на другой день умер. Избили и мать.

Читаешь такие письма и думаешь, какой волей, убежденностью за свое дело должен обладать человек, чтобы быть стойким борцом за Советскую власть. Глубоко взволновали нас слова Николая Егоровича, обращенные к учащимся: «Вы, дети, приняли нашу эстафету так несите ее достойно, по-инициативно».

Юртинцы могут гордиться героическими подвигами их земляков. А эта гордость обязывает нас быть достойными памяти наших сошедших товарищей, быть в принципиальными, честными, дисциплинированными, хранить боевые традиции старшего поколения и всегда готовыми встать на защиту нашего социалистического государства.

Т. ПАРЦИК

учитель Юртинской
милетней школы №

ВОСПОМИНАНИЯ ВЕТЕРАНА

Сегодня исполняется 60 лет со дня восстановления Советской власти в Тайхете.

Наш корреспондент А. Демьянов недавно встретился с бывшим партизаном Шиткинского фронта, участником гражданской войны Н. Е. Малеевым и попросил ответить на несколько вопросов.

— Николай Егорович, расскажите немного о себе.

— Родился я в 1901 году в Полу-Черемхово. Когда мне было 12 лет, родители переехали в Юрты. Отец мой, Егор Павлович, в годы первой мировой войны работал на Путиловском заводе в Петрограде.

В начале 1919 года белогвардейцы на станции Юрты повесили двух железнодорожников. В то время я работал грузчиком. Старшие товарищи объяснили, что белогвардейцы повесили хороших рабочих-большевиков. Вот тогда и я решил идти в

отряд Ивана Андреевича Бича-Таежного.

— 25 января исполняется 60 лет со дня освобождения нашего города от белогвардейцев. Расскажите о событиях шестидесятилетней давности в районе.

— В конце декабря 1919 года в д. Бузыканоно проходил последний перед соединением с регулярной Красной Армией военно-армейский съезд Шиткинского фронта. В Бузыканоно в то время дислоцировался полевой штаб командующего Машукова. Сюда он прибыл летом с Тасеевского фронта.

Здесь же находились передовые отряды, контролировавшие территорию от Бузыканоно до Нижней Замки.

Наступающие с запада советские войска подошли уже к Красноярску.

Декабрьский съезд в Бузыканоно и принятые им решения были очень своевременны. Не прошло и месяца, как боевые силы Шиткинского фронта соединились с передовыми частями

Красной Армии. 25 января 1920 года бойцы Красной Армии и Шиткинского фронта освободили Тайхет от белогвардейцев и интервентов, организовали военно-революционный комитет.

— Как сложилась Ваша дальнейшая жизнь?

— Я в 1927 году вступил в партию. И вот с тех пор вплоть до ухода на пенсию на партийной работе. С 1935 года живу в Тындинском районе Амурской области. Участвовал в работе первой районной партийной конференции в Тынде.

В годы Великой Отечественной войны был на фронте. Награжден орденом Красной Звезды и многими медалями. С 1961 года — персональный пенсионер.

— Николай Егорович, Вы часто встречаетесь с моло-

ИНТЕРВЬЮ

дежду? Что бы Вы хотели пожелать комсомольцам 1980-х?

— Я очень люблю молодежь. Часто выступаю перед школьниками. Рассказываю о боях Шиткинского фронта, о своем бывшем близком друге-партизане Никитине Михаиле, которого за малый рост звали «Малка». Как мы с ним любили петь и плясать. Сами сочиняли частушки, семь из которых помню и сейчас. Нынешняя молодежь всегда находится на самых трудных участках. Байкало-Амурская магистраль строится молодыми. Мое пожелание молодежи — не пасовать перед трудностями, продолжать эстафету отцов и дедов, приложить все силы для строительства коммунизма.

СХЕМА ДЕЙСТВИЙ ШИТКИНСКИХ ПАРТИЗАН 1919 г.

Карта-схема Шиткинского фронта в 1919 г.

Бронепоезд «Орлик» на станции Юрты-1919 год.

Фотоархив Военно-исторического архива в Праге (Fotoarchiv VMA, Sokolovská 136, Praha II, Česká republika)

*Бронеплощадка бронепоезда «ORLIK» с теплушкой
и «чёрным» паровозом на станции Юрты
под Тайшетом, 1919 год.*

Юртинские следопыты

«Товарищ заведующая детской библиотекой г. Вилюйска! Просим Вас устроить нам встречу с Черневским Адольфом Юрьевичем... Мы могли бы приехать к г. Черневскому А. Ю. и договориться о встрече с ним сами, но на квартиру вести около 30-ти ребят неудобно. Поэтому просим Вашего содействия...».

(Из письма 8-классников Юртинской школы № 24, членов факультатива по литературе, и их руководителя, преподавателя Тамары Матвеевны Паршиковой)

Даты в письме не было, но получено оно библиотекой 25 ноября. В тот же день, вечером, работница библиотеки Галина Ивановна Захаренко пришла ко мне на квартиру договориться о встрече.

Я уделил много места некоторым деталям письма и обстоятельствам, предшествовавшим встрече, для того, чтобы обратить внимание руководителей других школьных групп и кружков на методы организации подобных встреч с кем бы то ни было. Чаще всего группы краеведов, члены исторических кружков, поисковых групп и следопыты приходят без предварительной договоренности. В ходе подготовки к 60-летию Великого Октября были случаи, когда к тому или другому интересующему школьников лицу являлись одновременно две, а то и три группы. От этого, естественно, страдало качество и эффективность таких встреч и собраний.

Прием юртинских школьников в этом отношении является собой пример продуманного подхода к делу, хорошей организованности. Это то, что можно назвать культурным стилем работы. Поэтому и

встреча прошла оживленно, содержательно, взаимно интересно (она состоялась в детской библиотеке г. Вилюйска в воскресенье 27 ноября). Основным стержнем, вокруг которого вращалась беседа, вопросы и ответы, была тема Шиткинского партизанского фронта. Речь шла и о методах поиска, краеведческой работы, о литературных источниках.

Ребята, как мне кажется, получили полезную консультацию и рекомендации по их дальнейшей поисковой работе, им была предоставлена возможность перефотографировать фотокарточки партизан-юртинцев и получеремховцев Н. Е. Малеева, Н. А. Осипенко, Э. П. Бертина, Р. Е. Макошина, Н. Ф. Короткова, Е. И. Киселева, П. М. Климова, а с юртинцем Николаем Егоровичем Малеевым, когда-то 18-летним партизаном, а ныне персональным пенсионером, членом партии с 1927 года, участником Великой Отечественной войны, проживающим в Амурской области, они теперь свяжутся сами.

Юртинские школьники посетили народный краеведческий музей на добровольных началах, где руководитель его Анна Васильевна Мельникова рассказала историю возникновения музея и каждого экспоната.

А впереди у ребят факультатива по литературе — экскурсия в редакцию газеты «Заря коммунизма», в типографию, встречи в Шиткино с партизанами и автором двух книг («Дикие камни», «У речки Бобровой») Константином Дмитриевичем Янковским.

А. ЧЕРНЕВСКИЙ,
председатель исторической секции Тайшетского отделения ВООПиК.

Фельдшер Шиткинського фронту Михайл Никитин

М. Н. Никитин (фото 1917 г.)

№ 11.

Телеграмма в Иркутск, команд. войсками.

Общеармейский 15. В ночь на 5-е апреля потерпел крушение наш броневой поезд между станциями Ключи—Юрта; серьезно контужен в голову прапорщик Гуз, разбит один вагон, поломан пулемет. За каждое крушение приказал расстреливать заложников. Отряд, действующий

вдоль железной дороги от ст. Тинская, захватил тинский Совдеп, расстрелял девятнадцать человек, повесил двух, ныне наступает на селения Будниково и Кучердово, севернее Тинской.

Генерал *Розанов* 1.

6/IV 1919. № 1418.

№ 1.

копия.

Телеграмма.

Омск, главночвойск; копия — начвососиб; Иркутск, штао округа; Красноярск, генералу Розанову.

В дополнение телеграммы из Н.-Удинска от 17/IV за № 277, доношу полученную депешу из Ключей. „Упр. Д. Т. Ш. З. К-о отдела стат. происшествий ПН2 ДН3 Красноярск ЗК. В ночь на 15/IV красными произведено вновь нападение, сделан весьма значительный разбор обоих путей на 1074 и 1075 верстах. Сброшены под откос с семи-саженной насыпи 450 саж. второго главного пути и 550 саж. первого главного пути рельсы со шпалами целыми звеньями, при чем на большом протяжении звенья перевернуты вниз рельсами. Разрушена телеграфная линия ж.-д. телеграфа на расстоянии 340 саж., при чем все провода увезены красными, разбиты все изоляторы, крючья; правительственный тоже разрушен. Сегодня мною стянуты на работы все [на]личные силы участка, работает тайшетский и иланский вспомогательные поезда, часть ж. д. роты и мобилизованные жители деревни Ключи, также много добровольцев пассажиров поезда № 3, поданного для этой цели из Тайшета на место работы; работает 550 человек. Восстанавливаю второй главный путь. В виду невозможности продолжать работы ночью вследствие опасности ночного нападения красных, работу по восстановлению однопутного движения закончу завтра, к полудню, если не будет набега красных. Поезд № 3 пропустили сегодня ПЧШ Лыткин. ДЧ7 Митин. № 47/35.

За 3 подпоручик (подпись) 1.

Объявление.

Предупреждаю, что в случае порчи полотна железной дороги и имущества ее или при малейшей попытке повредить вышеуказанное и вообще в случае всякого вооруженного выступления против существующего порядка виновные подвергаются смертной казни.

Деревни, помогающие вышеуказанным преступлениям, будут совершенно уничтожены.

Шпионы, агитаторы и все оказывающие им содействие (укрывательством и пр.) будут расстреляны.

Начальник гарнизона, майор *Беранек*.

Ст. Тайшет, 27-го марта 1919 г.

С подлинным верно: Начальник канцелярии, майор *Обровец*.²

срочная.

Телеграмма

Иркутск
Иркутск, наштаба.

Первый. Дополнение к номеру 041. Сегодня на рассвете красные напали на разъезды Суети́ха и Венгерка, обезоружили и сняли мостовой караул 18 человек и увели. Чехи еще не прибыли, положение угрожающее Тайшету. Помочь не могу — нет сил, а подкрепление не прибывает. № 042. 18 марта, 14 часов.

Ген.-майор *Афанасьев*.²

№ 9.

Записка
Записка по прямому проводу штаба иркутского военного округа

Красноярск, ген.-лейтенанту *Розанову*.

Омский первый. Красные, организовавшие крушение поезда в районе разъезда Венгерка, называют свое движение „крестьянским“ и распространяются в деревнях, окружающих станцию Тайшет. 28 марта, 15 часов № 676.

Врид наштаокр, полковник *Главацкий*.²

Телеграмма командующему войсками ирк. воен.
округа.

λ

Омск, военмин. Копия генералу Жанен.

Оперативная сводка 10-го апреля. В районе Тайшета отряд полковника Красильникова 18-го апреля вторично атаковал с. Бирюсу. Бой продолжался двенадцать часов; красные, укрытые хорошо маскированными окопами, оборонялись с крайним упорством ожесточения, развивая сильный огонь. Лыжники красных обходили фланги отряда, в одном случае выскочили на дорогу между головной заставой и ротой и открыли сильный огонь в обе стороны, но были рассеяны штыками, оставив на месте двенадцать убитых. В 20 часов отряд отошел к железной дороге, расположившись от Венгерки до Тайшета и заняв исходное положение для новой атаки. Наши потери: девять убитых, двадцать восемь раненых. Потери красных подсчитываются до сорока убитых. Чешская батарея и броневик обстреливали дер. Бирюсу и Конторку снарядами с удушливыми газами. В прочих районах без перемен. № 1869.

Генерал Розанов ¹.

20/IV 1919 г.

Телеграмма Омск, поначглавштаба полков. Клерже, копии — Омск, нашктаокр омского; Владивосток, генералам Хорвату, Романовскому и Иванову-Ринову.

Омский первый. Оперативная сводка 9-го мая. Карта 40 верст. В ночь с 6-го на 7-е мая красные, силою до 50 человек, напали на разъезд Пинчино, что в районе станции Камарчага. После перестрелки красные, оставив одного убитого, отошли. Наши потери — 4 легко раненых, оставшихся в строю.

8 го мая 3 в часа красные в больших силах, — до 800 человек, атаковали станцию Тайшет, бой происходил на территории станции, при чем временно станционные здания были заняты большевиками. От огня нашей артиллерии сгорели станционные здания. Все имущество, инвентарь и аппараты, находившиеся в станционном здании, сгорели. Пути на перегоне Тайшет — Суетиha на 1100 версте были разобраны, телеграфные линии разрушены. На перегоне Тайшет — Байроновка в то же время были также разобраны пути, вследствие чего броневой поезд сошел с рельс. Чешскими частями и чинами 2-ой железно-дорожной роты атаки красных были отбиты с большим уроном для большевиков, — красные оставили на месте боя более 180 трупов. 2-я железно-дорожная рота потеряла убитыми поручика Удилова и одного солдата и умершим от ран одного солдата. Пути и телеграф восстановлены средствами 2-ой желдорной роты. 9 мая, 16 часов 15 минут. № 255/р.

Врид наштаокр, полковник Главацкий ¹.

Сводка данных по разведке главного штаба.

№ 14.

По сведениям к 3 апреля 1919 г.

Внутренний фронт.

Енисейская губерния.

Тайшетский район. 23-го марта шестая рота Нижнеудинского полка, посланная для ликвидации большевиков у Бирюсы, перекочевала своих офицеров, перешла на сторону красных и двинулась на Нижнеудинск. 25-го марта вербовщики красных находились в 60 в. севернее Нижнеудинска.

26-го марта, вследствие порчи красными жел.-дорожного пути у разъезда Венгерка (около 8 в. зап. Тайшета), сошел с рельс пассажирский поезд № 4. Поезд упал под откос. Убито 3, ранено тяжело 10, легко 30 человек. Крушение организовано было жителями с.с. Конторское и Бирюса (10—15 в. с.-з. Тайшета). Телеграфная линия была красными разрушена в 2-х местах.

Красные распространяются в деревнях, окружающих ст. Тайшет.

Начальник разведывательного отделения главного штаба,
подполковник *Масягин* ¹.

С. КОЖЕВНИКОВ.

КОНЕЦ БОРЬБЫ С ЧЕХО-СЛОВАКАМИ.

В последних числах декабря 1919 года 30-я стр. дивизия, разоружив польские колчаковские легионы, заняла город Красноярск. После двух-трех дней отдыха 88-я Красноуфимская бригада двинулась дальше на восток по линии Сибирской жел. дор. Бригада двигалась в вагонах до города Канска (Енисейской губ.). Наши передовые части застали в Канске лишь хвост уходящих чехо-словацких войск.

88-я бригада двинулась вслед за чехами и, не встречая сопротивления, дошла до ст. Юрты. У чехов, вследствие отсутствия угля для паровозов, произошла закупорка, и они арьергардом стояли на следующей станции Тайшет. Между этими станциями протекает река Бирюса, через которую переброшен значительный жел.-дор. мост. Чехо-словаки хотели оказать на этом месте некоторое сопротивление, чтобы задержать наши части. Мирное построение сменилось боевым. В это время 88-й бригадой командовал тов. Грязнов И. К.

Бригада была лучшей в 30-й дивизии с прекрасным пролетарским ком- и политсоставом. Бригада, безусловно, могла выбить чехо-словацкий арьергард с Тайшета, что и предполагалось. Но в это время начальник дивизии (Ляпин А. И.) передал приказание тов. Смирнова Ив. Ник., чтобы от бригады были высланы парламентарии к чехо-словакам. Временные мандаты приказано было выдать командованию бригады. Парламентарии должны были предварительно договориться о перемирии на следующих основаниях:

- 1) Чехо-словаки уходят на восток, не разрушая станций железных дорог, не увозя и не портя инвентаря, особенно телеграфного, телефонного имущества и оборудования.
- 2) Части Красной Армии движутся вслед, на одну деполевую дистанцию, не ведя боевых действий.
- 3) Части Красной Армии ведут борьбу с остатками колчаковцев и вообще русских белогвардейцев.

Мы немедленно выполнили это приказание и снарядили «по-

сольство»; во главе парламентариев был помещиком 263-го полка Удильов Петр. С ним пошел ротный командир и еще кто-то. Подойдя к полустанку, кажется, Венгерка, перед станцией Тайшет, на которой стояли чехо-словаки, Удильов позвонил по телефону, что вот, мол, я—парламентар. К нему был выслан офицер с несколькими солдатами и провел Удильова к начальнику чехо-словацкого арьергарда майору Змек. Чехи приняли его по джентльменски, согласились с доводами о целесообразности мирного движения на вышеуказанных условиях. Проговорив около двух суток или немного меньше, чехо-словаки, придравшись к тому, что бригада красных выдвинула слишком вперед свой правый фланг, прервали «мирные переговоры», вежливо попросили тов. Удильова перейти обратно мост через реку Бирюсу и, как только он перешел реку, взорвали мост.

Возмущению красных войск не было предела. Грязнов быстро отдал распоряжение наступать на Тайшет и догнать чехов. Вопреки всяким нормам, бригада сделала большой переход, но Тайшет оказался совершенно пустым: не было не только паровозов, но даже вагонов. Станция, телеграф были разрушены, мост через реку Бирюсу взорван, и, следовательно, пришлось идти пешком.

Чехо-словаки почему-то не разрушили телеграфную станцию в селе Тайшет, которая была совершенно исправна и хорошо оборудована. Она имела связь с Иркутском и Красноярском. Вызвали Иркутск, подошел тов. Колос. В Иркутске уже произошел большевистский переворот и там была революционная власть.

Тов. Колос, кажется, не поверил, что с ним разговаривают представители Красной Армии, и поэтому договориться, как следует, мы не сумели. Но зато мы узнали, что Колчак в тюрьме, что около Иркутска капелланы, что они могут взять Иркутск.

Подтянув к Тайшету части, мы двинулись вслед за чехами, все время догоняя их арьергардные бронепоезда, при чем один из них отобрали. Чехи, отбиваясь, уходили, но их задерживало на станции Зима и станции Черемхово отсутствие угля. Кроме того, их беспрерывно беспокоили нападениями красные партизаны. На ст. Тайшет наши силы увеличились: к нам влился большой партизанский отряд пехоты и конницы под командой тов. Будды, соратника Яковенко, и под политическим руководством старого большевика-ссыльного тов. Богдановича. Пехота влилась в полки бригады, а конница, под командой тов. Будды, была оставлена отдельной единицей в составе нашей бригады.

Бригада пополнилась партизанами и громадным обозом трофеев (продовольствием, обмундированием); она двигалась по 50 и больше верст в день, и в конце января наши части подошли к г. Нижнеудинску. Чехи нас не особенно ждали. На ст. Нижнеудинск стояла чешская дивизия, ряд хозяйственных частей, несколько бронепоездов и т. д. Обойдя город низинной реки Уды, мы напали на станцию. Чехи не могли оказать большого сопротивления нашему налету и бежали, бросив эшелоны, броневки, припасы и взорвав уже минированный мост. Мы одержали победу, но мост был взорван, и бригада должна была опять двигаться пешком.

Несколько часов мы отдыхали в Нижнеудинске. Части обгорелись и собралось было уже двинуться дальше, но кто-то из командиров заявил, что нас жаждет видеть какой-то человек. Привели. Вошел высокий, уже пожилой человек, в черном френче, изысканно-вежливо поклонился. «Генерал Шерпанть», — отрекомендовался он. «Как? в чем дело?». Рассказывает: она идет из Иркутска с эшеломом, везет замки от двухсот французских орудий. Замки были сняты и вывезены из Красноярска. Сам он — генерал русской службы, у Колчака был начальником артиллерии французских формирований.

«Почему же вы везете замки красным?» — спрашиваю.

«Видите ли, — отвечает генерал, — я дал себе слово возвратиться в Россию только с этими замками. Кроме того, у меня вышла ссора с Колчаком, который меня, генерала николаевского времени, третирует, как будто я такой же новоиспеченный, как многие колчаковские генералы. Нет, я — старый генерал и не позволю мальчишке Колчаку меня оскорблять».

Мы пожали плечами и направили генерала Шерпанть через нацдива к тов. Смирнову.

Мы двинулись дальше. Через сутки мы были на разрушенной чехо-словаками станции Куйтун и остановились в селе Куйтун.

К нам приходили партизаны и присоединялись к нашей бригаде. В это время попал к нам очень оригинальный приказ начальника 2-й Братской партизанской дивизии. Примерно, его содержание таково: «Командиру 2-й роты, тов. Панфилову. Ты, тов. Панфилов, выди на железную дорогу, да чехов подюгай¹⁾, да смотри, где-то наши ребята²⁾ идут, так того, осторожнее. Начальник 2-й Братской (такой-то)».

¹⁾ Потр-чохь.

²⁾ Красная Армия.

Хохотали мы над приказом, хохотали от удовольствия, радости. Ведь этот альявотный приказ — смерть контр-революции, это — сила.

Приехал Иван Никитич Смирнов. Тов. Смирнов приказал опять выслать парламентаров, но они не могли пробраться к чехам. Чехи же в это время, очистив ст. Тулун, взорвали опять мост через реку Ия (или Ока). Мы были вне себя от злости.

Чехо-словаки, после их разгрома на ст. Нижнеудинск, за что-то расстреляли своего начальника арьергарда майора Змек и, желая спасти себя, поставили в арьергард румынский легион под командой полковника Кадлец и начальника штаба полковника Петровского. Это были темные, забытые, некультурные румынские части, зараженные сифилисом, пьяные, дикие банды, совершенно небоеспособные, но способные на всякие безобразия и бесчинства. По дороге они разрушали все; и мы решили их ликвидировать.

Но вот неожиданно на ст. Тулун к нам приходят два иркутских товарища: Глеб Сурнов и Рябиков и с ними чех поручик Губ. Последний предлагает вступить в переговоры. В это время с нами уже был Ив. Никитич Смирнов. Он повел переговоры, которые закончились заключением мира.

С этого момента наладилась «международная» сношения. Чехи послали нам хороший английский табак, а мы им... большевистские газеты. Мы были довольны, они, впрочем, не совсем. В этот период мы познакомились с бытом и настроением чехо-словаков.

Чехо-словацкие части уже не представляли большой силы. Они разлагались. Многие понимали, что их обманули, бросили в авантюру.

Чехи издавали свой иллюстрированный журнал «Качели». В нем были очень едкие остроты и карикатуры. Помню я такие картинки.

Первая — 1880 год. Сибирскую магистраль строят каторжане в колодезях.

Вторая — 1920 год. Сибирскую магистраль охраняют чехо-словаки, закутанные от холода, с колодезями на ногах; на колодезях написано «созвонники». И это почти в официальном издании.

Дальше картинка.

Берег Тихого океана. На берегу стоит глубокий старик в военной чехо-словацкой форме, на голове у него выросли грибы, сам он оброс мохом. Написано — 1979 год.

Две рыбки высунули головы из воды и разговаривают:

— Скажи, подруга, что это за дикарь в культурной Азии?

— Это последний чехо-словак ждет, когда ему подадут пароход союзники.

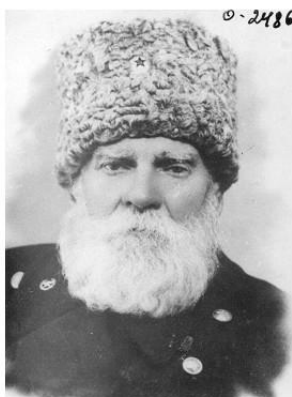
Чехи острили над упадком дисциплины, над пестротой обмундирования, над семьями, детьми, которых чехи завели и прижили в России и т. д. Были явно враждебные карикатуры на Массарика, на доктора Благож (политического представителя чехо-словацких войск в России) и т. д.

Пьянство, разврат, мародерство были обычными явлениями в чешских войсках. И они стремились уйти скорей из России.

Майор Й. Змек, командир 11-го полка.
От имени чехословацкого войска
23 января 1920 г. вел безуспешные
мировые переговоры на станции Венгерка.
Центральный военный архив, Прага

Киселев Дмитрий Дмитриевич: сибирский связной ЦК РКП (б) в 1918-1919 гг.

Белый террор не утихал. Колчаковцы не переменились и с теми, кто был предельно далёк от большевиков – проезжая

Канск, Киселёв видел повешенного городского голову Степанова В своём докладе в Сиббюро ЦК РКП(б) он писал: «Бессудные казни, массовые порки и утопление в проруби – бытовые явления в Сибири».

В ответ неуклонно нарастало сопротивление колчаковцам. На линии Канск – Тайшет партизаны были так активны, что устраивали крушения практически ежедневно. Установка на железнодорожные диверсии чуть было не закончилась трагически для самого эмиссара: в ночь на 27 марта 1919г. поезд, на котором Киселёв спешил из Красноярска в Иркутск, под станцией Юрты был пущен под откос красными партизанами, но спецкурьер благополучно уцелел.

Нападение красных на водокачку с Юрты.

К р п и я

1919 года мая 20-го дня ст. Юрты милиционер Канского участка Томской обл. Дороги Владимира Гутевича, находящаяся на ст. навроновка, названной выше дороги вследствие поручения г. Дальневосточного Милиция Канского участка от 8-го мая за № 1322, производил дознание по делу ограбления бандой красных водокачки ст. Юрты и захвата машиниста этой водокачки в ночь с 3-го на 4-ое апреля с/г. допрашивал нижепоименованных лиц, которые показали следующее:

1/Спрошенный Качегарь водокачки имени пропавший обязан машиниста водокачки, проживавший при водокачке на ст. Юрты град. Томской губ. Котельнического уезда Кличевской волости дер. Запывалово, Бродь Александрович 42 лет православный пояснил, что в ночь на падения красных на водокачку т-е. в ночь с 3-го на 4-ое апреля с/г. он с вечера собрался ехать в Иланск за сыном для машин водокачки. Ушел на станцию, где в ожидании поезда он проспал всю ночь. На рассвете пришли на станцию его жена и машиниста водокачки две дочери и рассказали, что ночью на водокачке была красные разобрали машины и увели с собой машиниста Петра Петровича Бертина. Получив сообщение о разграблении водокачки, он тот-час же поехал на водокачку, где обнаружил следующее: из первой машины оказались похищенными 4 вольтниковых коробки со стержнями, 4 масленки и манометр холодного давления. Со второй машинки взяли 4 масленки, манометр холодного давления, трубка воздушного насоса-мидная размером 2 дюйма и погнуты стержни. Со второй взяли также гасечных ключей всех размеров, ключи котлоные и ключ французский. Было взято машинного отделения тисовой винты, бак мал. вместимостью в пуда для намирения угля, рывак, два выключателя лампы 14-ти ламп, револьвер системы Смитта-Вессонс, номера которого не знает, часы жарманке никкированные, третью для авершения и 6 штук свечей, две височных замка и 4 лампы с гидронических кранов в 4 дюйма. Добавил, что спустя недели 2 после ограбления алоумиленными водокачки, чешскими войсками были арестованы машиниста оба дочери, после незаконного ареста и поистечения двух суток, приехал на подводах с людьми увезенный машинист Бертин, забрал все свое имущество, скот и жем и уехал опять неизвестно куда, когда приехал машиниста на женой и своим имуществом, видя жителей поселка при ст. Юрты Канск. Красноярский, Ирина Ильева, Анастасия Грязновская и Татьяна Деметьева, больше показать по настоящему делу ничего не имеет. Бродь Краев.

2/Спрошенная жена исполнителя, обяз. машиниста водокачки на ст. Юрты град. Томской губ. Котельнического уезда Кличевской волости дер. Запывалово Христина Омурьева Краева 33 лет православная пояснила, что в ночь с 3-го на 4-ое апреля с/г. ночью услышала сильный лай собак, она проснулась и взглянула в окно, она увидела подъехавших к водокачке много вооруженных женных ружьями людей. Она сильно испугалась опять легла в кровать и слышала на дворе и в машинном отделении водокачки шум. Спустила минут 30, шум утих и когда стало рассветать, то к ней пришли машиниста дочери и рассказали ей, что ночью красные разграбили водокачку и увели их отца, просили ее сходить с ними на станцию и сообщить о случившемся военной охране, на которую просьбу она ушла и правда на станции им было заявлено о случившемся военной охране. Сколько было алоумиленников, как они были одеты и вооружены, она не знавала и больше по настоящему делу ничего показать не имеет-неграмотная.

3/Спрошенный житель поселка при ст. Юрты град. Енис. губ. Канского уез. Конторской волости замка Кочергиной, Иван Викентьевич Красноярский, 15 лет православный пояснил, что приблизительно спустя недели две после того, как красными была разграблена водокачка и увезены машиниста он, Малеева Грязновская и Деметьева, будучи на водокачке, видел как машиниста Бертин приехал на IX подводах на водокачку в сопровождении 5 невооруженных людей и забрав свою жену и свое имущество, уехал неизвестно куда и больше по настоящему делу, ему ничего неизвестно. -Неграмотный.

4/Спрошенная жителица поселка при ст. Юрты град. Енис. губ. Канского уезда Конторской вол. дер. Половина-Черемково, Ирина Егоровна Малеева, 14 лет православная показала, что и Красноярский. -Неграмотная.

5/Спрошенная жителица поселка при ст. Юрты град. Минуской губ. Борисовского уезда Вилитической волости дер. Колыпицы, Анастасия Егорова Грязновская 35 лет православная показала то же, что и Красноярский. -неграмотная.

6/Спрошенная жителица поселка при ст. Юрты град. Енис. губ. Канского уезда Конторской волости дер. Половина Черемково, Татьяна Ивановна Деметьева 35 лет православная показала то же что и Красноярский. -Неграмотная чем постановила заключить в настоящий протокол. - Милиционер Гутевич.

СПРАВКА: Произведенными розысками, похищенного и похитителей не обнаружено.

ружено. Далішіміе розмки публізводять. Миліціонеръ Гутенічъ.

Історіа дозволее дознаніе предостаням Рідначальнику Миліціи Канскаго...

Історіа дозволее дознаніе предостаням Рідначальнику Миліціи Канскаго... 255 ст. уст. укр. суд. в охр...

Історіа дозволее дознаніе предостаням Рідначальнику Миліціи Канскаго... 30/5 с/г. за № 539...

Історіа дозволее дознаніе предостаням Рідначальнику Миліціи Канскаго... 14-го...

Історіа дозволее дознаніе предостаням Рідначальнику Миліціи Канскаго... 1919 г. № 14-го...

Історіа дозволее дознаніе предостаням Рідначальнику Миліціи Канскаго... 1919 г. № 14-го...

Історіа дозволее дознаніе предостаням Рідначальнику Миліціи Канскаго... 1919 г. № 14-го...

Історіа дозволее дознаніе предостаням Рідначальнику Миліціи Канскаго... 1919 г. № 14-го...

Історіа дозволее дознаніе предостаням Рідначальнику Миліціи Канскаго... 1919 г. № 14-го...

Історіа дозволее дознаніе предостаням Рідначальнику Миліціи Канскаго... 1919 г. № 14-го...

Історіа дозволее дознаніе предостаням Рідначальнику Миліціи Канскаго... 1919 г. № 14-го...

Історіа дозволее дознаніе предостаням Рідначальнику Миліціи Канскаго... 1919 г. № 14-го...

Історіа дозволее дознаніе предостаням Рідначальнику Миліціи Канскаго... 1919 г. № 14-го...

Історіа дозволее дознаніе предостаням Рідначальнику Миліціи Канскаго... 1919 г. № 14-го...

Handwritten signatures and stamps, including a box with the number 2930.

ГОДСКАЯ КАЗЕННАЯ
общественная служба

Сит. Дарзловия, " 1918 г.
№ 30

Рис.	Счет.	ПОДАНА				ПОЛУЧЕНА				Принято со ст.
		Число	Час	Мин.	По посту	Число	Час	Мин.	По посту	
		23	4	4		20				Дарзловия
Служебные отгулы										

апр. 29

гражданин Шинин
Илья 3/4 под крепостью 7/IV-1918
ограждение вртих
подарка и пожелания
и шашки и ушей
матрицы подарка

исп. адв. ге
Ширабов

Резолюция

"И К предостережения
III исправител
Кружков"

Приводятся в приказе
распоряжения Шинин
судитий и
столбана III
8/IV-1918. № 218

На обор...

Прислано	Мно.
Прислано	Мно.
Прислано	Мно.
Прислано	Мно.
Прислано	Мно.

Документ

М П С.

Сибирская железная дорога.

АКТЪ № 1

ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ДОЗНАНІЯ

0 Нападеніи краснаго на водопитиу
Оставленъ 1914 г. мѣс. 14/12 " " дека.

ВОПРОСЫ:

ОТВѢТЫ:

1. Какъ происшествіе отрабисеніи водопитиу

2. Какъ происшествіе въ часъ отъѣзда ~~составъ~~ ~~вагона~~ ~~на~~ ~~станцію~~

3. Мѣсто происшествія на станціи

4. Состояніе происшествія Красный составъ Пиннаеи
Увѣщаніе Кочевъ 3/12 отрабисенъ въ
шрѣтѣхъ водопитиу испорченіи
машини и увѣщаніи машиниста
водопитиу ~~вагона~~

Г. Иванову Инженеру

ОТПУСКЪ.

Форма А.

Донесеніе о происшествіи по желѣзнодорожному движенію.

УПРАВЛЕНІЕ
СИБИРСКОЙ
владѣной дороги.

Послѣдовательный № происшествія.

ВЪ УПРАВЛЕНІЕ
владѣнной дороги.

1. Октябрь 1911 г.
Пока. нум. Управления
№ *1330*.

№ *509*

VIII Делегатское

1911 года.

ВОПРОСЫ

Гр. Александр Николаевичем
ОТВѢТЫ

1. Родъ происшествія

Ограбленіе пассажирскаго поезда

2. Время происшествія

Вторник 12 апр. 1911 г. 11 ч. 15 мин. по полу

3. Мѣсто происшествія

На станціи

На переездѣ

На *верст.* *слож.* считая отъ Челябинска.

4. Описаніе происшествія

Почасъ 3 апрѣля была ограблена водкачка, испорчены машины и увезены машины водкачки Бертинъ.

5. Поездъ и подвижной составъ, участвовавшіе въ происшествіи.

Родъ поезда *М*

Составъ поезда *М*

паровозовъ

классныхъ вагоновъ

поворотныхъ грузевыхъ: *подъемн. сил. 750 п.*

подъемн. сил. 600 п.

порожнихъ

всего вагонныхъ осей

Также поезда *М*

(или поврежденныхъ вагоновъ)

всего вагонныхъ осей

Количество двойныхъ колесныхъ паровозовъ:

{ *въ поезде М*

{ *въ поезде М*

Скорости движенія:

{ *установленная*

верстъ

{ *въ действительности*

верстъ.

Форм. № 301-1912. Пр. авт. № 8-1, в. 2.

Макошин Роман Ефимович.

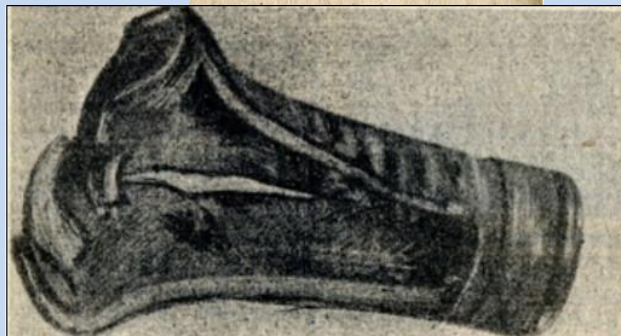

**МАКОШИН РОМАН
ЕФИМОВИЧ (1898—1962).**
Получеремховский крестьянин, активный партизан Шиткинского фронта, участник многих диверсий на железной дороге, боя с красильниковцами под Бирюсой и ряда других боевых операций.
После разгрома Колчака и восстановления Советской власти в Сибири находился на ответственной профсоюзной, хозяйственной и партийной работе в Хакасии, Новосибирской и Томской областях (секретарь Туганского и Тегульдетского РК КПСС, начальник политотдела МТС, начальник отдела кадров Томского электролампового завода).
Умер в Томске в 1962 году.
Фото последних лет жизни.

Петров Степан Андреевич.

Командир лыжного взвода Конторского партизанского отряда
Степан Андреевич Петров.
Фото 1917 года.

Одна из первых бомб-трехдюймовок, посланных белочехами на мятежную Конторку в марте 1919 года и взорвавшихся на зугах за Тараем, не вызвав жертв. Передана автору Конторским партизаном Николаем Александровичем Необъявляющим в 1967 году.

5-тая Армия.

23 января А.Я. Лапин в телефонном разговоре с Н.П. Тепловым (42) сообщил: «Сию минуту говорил с Тайшетом, откуда сообщили, что на подступах к Нижнеудинску революционный гарнизон ведёт бой с бегущими на восток колчаковцами. Ввиду этого отдан в Иркутск следующий приказ: "Срочно. Председателю Иркутского революционного комитета. Именем Российской Советской Социалистической Федеративной Республики под личной Вашей ответственностью приказываю с получением сего немедленно в присутствии всего революционного] ком[итет]а привести в исполнение смертный приговор через расстреляние над объявленным вне закона самозванным Верховным правителем адмиралом Колчаком"» (43).

Н.П. Теплов с таким решением согласился. /57/

В тот же день, но позже, в 14.00, А.Я. Лапин посылает вне всякой очереди телеграмму члену Революционного военного совета 5-й армии И.Н. Смирнову с донесением о том, что «вследствие прекращения связи с Иркутском мой приказ № 60/2 о Колчаке туда не передан. Ст[анция] Юрты. 23 января 1920 г. 14.00. Нач[альник] див[изии] 30 Лапин» (44). Таким образом, Лапин беспокоится, что его приказ о расстреле Колчака до иркутян не дошёл.

Иван Никитич Смирнов, получив это известие, вызвал Лапина к прямому проводу.

«Нач[альник] див[изии] Лапин у аппарата.

— [Лапин] Здравствуйте. Чем могу служить?

У аппарата Смирнов.

— [Смирнов] Мне сейчас передали, что Вами отдан приказ Иркутскому ревкому расстрелять Колчака.

Революционный] совет и Сиб[ирский] революционный] ком[итет] совершенно определённо приказывали арестовать и расстрелять в случае невозможности удержать Колчака. Ваше приказание поражает меня, во-первых, тем, что Вы совершенно недооцениваете значения Колчака в международных отношениях. Для нас он был бы заложником. Во-вторых, Вы берёте на себя решение вопроса, на которое не имеете полномочий, поэтому передайте Иркутскому ревкому от имени Революционного] совета, что Вы приняли все меры для задержания Колчака до прихода советской армии, ибо Колчака необходимо отправить в Москву, в Совнарком. Смирнов.

— [Лапин] Принимая на себя ответственность всецело при отдании приказа о расстреле Колчака исходил из следующих соображений:

1) Поскольку чешское командование уже несколько дней тому назад добровольно выдало Колчака Иркутску, он крупным международным заложником служить не может.

— [Смирнов] Я с Вами не веду дискуссии. Вы не понимаете того, что сделали. Потрудитесь выполнить приказание. Ваша ответственность не избавляет Россию от осложнений.

— [Лапин] Слушаю. Ваш приказ будет выполнен.

— [Смирнов] И Колчак будет доставлен в Революционный] воен[ный] сов[ет] арм[ии] по вступлении наших войск в Иркутск. Передайте в Иркутск, что Колчака необходимо убрать лишь тогда, когда не будет никакой возможности сохранить. И впредь предлагаю Вам не принимать никаких политических решений без ведома Ревсовета армии. Всё. Смирнов.

— [Лапин] Слушаю. Приму к точному исполнению. В предыдущем хотел пояснить, почему это сделал, но Вы перебили. В Иркутск передам Ваш последний приказ о Колчаке» (45).

В тот же день вечером Лапина пригласил к прямому проводу К.И. Грюнштейн.

«— Пришлите начальника] див[изии]. Тов. Лапина просит тов. Грюнштейн.

— [Лапин] У аппарата начальник] див[изии]. Здравствуйте.

— [Грюнштейн] У аппарата Грюнштейн. Здравствуйте, тов. Лапин. Получил только что Вашу телеграмму и говорил с Иваном Никитичем.

Прошу сказать... [в] котором часу Вы отдали приказ о расстреле Колчака?.. Переданы в Иркутск распоряжения Ивана Никитича об отмене этого Вашего приказанья?

— [Лапин] Здравствуйте, товарищ Грюнштейн. Моя телеграмма председателю Иркутского ревкома от сего числа [в] 13 часов за номером 460/г о расстреле Колчака по адресу вследствие перерыва связи с Иркутском не передана.

Распоряжение Ивана Никитича отдано моим приказанием за № 466\г от сего же числа 17-ти часов. Передана нашему

парламентёру в Тайшете для передачи председателю Иркутского ревкома в 18 часов сего же числа в следующей редакции: весьма срочно, председателю Иркутского Революционного комитета, копия Революционному] воен[ному] сов[ету] арм[ии] 5. Революционный военный совет 5 армии приказал адмирала Колчака содержать под арестом с принятием исключительных мер стражи и сохранения его жизни, и передачи его командованию регулярных советских красных войск, применив расстрел лишь [в] случае невозможности удержат[ь] Колчака [в] своих руках для передачи советской власти Российской республики. № 463/г, ст. Юрты 1920 г., 23 января, 17 часов.

Начальник] див[изии] 30 Лапин, воен[ный] ком[иссар] Невельсон. За начальника] шта[ба] див[изии] Голубых.

Телеграмма командования 30-й Советской стрелковой дивизии председателю Иркутского Ревкома

Ст. Юрты 23 января 1920 г., 17 час.

Революционный военный совет 5-й армии приказал адмирала Колчака содержать под арестом с принятием исключительных мер стражи и сохранения его жизни и передачи его командованию регулярных советских красных войск, применив расстрел лишь в случае невозможности удержать Колчака в своих руках для передачи советской власти Российской республики. № 463 г.

Начдив-30 Лапин

Военком Невельсон

За наштадив Голубых

ГАРФ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 81. Л. 1. Телеграфный бланк.

Источники.

1-Архив А.Ю. Черневского

2-Статья Н.И. Серебряковой

3-Книга «НаБирюсинских просторах»

4-Архив Надежды Колесниковой

5-Книга»Партизанское движение в Сибири,Приенисейский край-том 1»

6-Местная печать

7-Книга»Борьба за Урал и Сибирь»

8-Интернет

9-Новосибирский госархив

10-Книга «Очерки о Шиткинских партизанах»

11-Сибирский исторический альманах-том 1

12-Фотоколлаж Валерия Д